Шпионские игры царя Бориса

Автор:
Ирена Асе

Шпионские игры царя Бориса

Ирена Асе

Александр Гурин

Исторические приключения (Вече)

В 1598 году на трон царства Московского сел новый государь – Борис Годунов. И сразу кинулся в гущу европейских политических интриг, стремясь упрочить свое положение и поднять престиж. Ему в наследство от Ивана IV досталась уже успевшая набраться опыта русская разведка, в первую очередь, состоявшая из купцов и дипломатов. Царю Борису тут же донесли о проживавшем в Риге в изгнании опальном шведском принце Густаве, сыне свергнутого короля Эриха. Годунов увидел в принце шанс утвердить влияние Московии на Балтике и решил выдать за него свою дочь Ксению. И вот с заданием заманить принца в Белокаменную в Ригу отправляется купец и опытнейший лазутчик Тимофей Выходец…

Александр Гурин, Ирена Асе

Шпионские игры царя Бориса

© Гурин А., 2014

© ООО «Издательство «Вече» 2014

* * *

Глава 1. Алхимик королевского рода

Погожим июньским днем 1599 года в корчме в центре Риги за массивным дубовыми столами сидели три человека. Корчмарка была довольна: до вечера еще далеко, а посетители уже тратят у нее свои деньги. Немолодая уже, строгая на вид дама с разрешения рижского магистрата открыла свое заведение после того, как ее муж, почтенный мастер сапожного цеха, умер из-за неумеренного потребления шнапса. А введенное магистратом право вдов делать то, что разрешалось в городе далеко не каждому – открывать питейные заведения, – было своего рода социальной помощью: надо же бедным женщинам и их детям на что-то жить после потери кормильца. Открывая корчму, вдова с радостью готовилась потчевать посетителей вкусными и полезными блюдами: копченой гусятиной, отварной говядиной, бараньими котлетами, нежным мясом косули, куропатками, разнообразными колбасами и сырами, супом из лосося, янтарными ломтиками немецкого осетра (весившего порой шесть пудов), копчеными угрями, сладкими кренделями… Увы, рижане не хотели покупать всё это великолепие. К чему им было обедать в корчме, когда каждый житель пятнадцатитысячного города мог поесть дома? А вот любители пива, а то и более крепких напитков посещали корчму ежедневно. Так что ее владелица не столько кормила посетителей, сколько поила. Ей это, конечно же, не нравилось: она прекрасно помнила, чем кончил ее муж, который в трезвом виде был прекрасным семьянином и искусным ремесленником. Однако дома ее ждали двое детей, желавших есть каждый день, и, в конце концов, эта немолодая женщина научилась даже радоваться визитам алчущих алкоголя и оставляющих ей деньги мужчин. Но, вопреки своей выгоде, пьяных хозяйка заведения все равно не любила. И потому корчмарка неодобрительно смотрела на посетителя, похоже, пожелавшего заснуть пьяным сном, не дожидаясь захода солнца.

– Еще пива! – воскликнул молодой иезуит и с силой впечатал в деревянную столешницу польский грош, равный одной шестой части серебряной рижской марки.

Казалось, что этот молодой человек, невзирая на свой духовный сан, твердо решил пуститься в загул. Не только владелица корчмы, но и два почтенных рижских купца, зашедшие в корчму не столько попить пива, сколько обсудить в тишине торговые дела, неодобрительно покачали головами: часы только что пробили полдень, а католический святоша налегает на хмельной напиток так рьяно, словно уже поздний вечер и скоро можно будет отправиться на покой…

Однако купцы ошибались: мнимый любитель пива был намерен еще долго сохранять ясность мысли. Глава иезуитской коллегии в Риге послал его в корчму с важным заданием именно потому, что знал: этого верного слугу Господа хмель так просто не разберет. И сейчас иезуит невозмутимо потягивал новую порцию хмельного напитка, которым гордилась владелица корчмы, – светлое, медовое пиво.

– Еще и нос от нас воротит! – сердито пробурчал пожилой купец, видя, как молодой поляк повернулся к небольшому окну. – Эх, если бы не злая воля покойного польского короля Стефана Батория, не было бы в Риге папистов!

– А нынешний король Сигизмунд – и вовсе воспитанник этих исчадий ада. Именно при нем проклятые иезуиты окончательно распоясались в нашем добропорядочном лютеранском городе, хотя рижские обитатели чтут истинную веру, – вздохнул его товарищ.

Справедливости ради заметим, что почтенные рижане вновь были не правы. Иезуит отвернулся от купцов вовсе не потому, что не желал лицезреть их недовольство своим непомерным потреблением пива, – доброму католику было безразлично мнение о нем лютеранских еретиков. Истинная причина заключалась в том, что из окна корчмы был прекрасно виден небольшой дом с крышей из огненно-красной черепицы. Именно ради того, чтобы наблюдать за обитателями этого дома и их гостями, шпион иезуитской коллегии и был готов тратить сколько угодно грошей и пить местное пиво, столь не похожее на любимое им изысканное французское вино.

Однако молодой иезуит не ведал ни того, за кем именно он следит, ни того, кто именно может войти в это кирпичное одноэтажное строение или же выйти из него. Иезуиту было известно лишь то, что несколько дней назад в этом доме поселился очень странный господин. Своим нарядом незнакомец походил на начинающего врача или аптекаря, он не проявлял ни к кому в городе интереса и, по слухам, целыми днями возился с какими-то колбами

и ретортами – проводил алхимические опыты. Поселившаяся вместе с ним отнюдь не юная, но весьма привлекательная и обаятельная женщина (то ли экономка, то ли содержанка) сама ходила на рынок к набережной реки Даугавы и старалась не бросаться в глаза окружающим: одевалась просто, не пользовалась румянами, покупала скромную еду – лососину, угрей, гусятину, раков, зайчатину, лесные орехи и другие недорогие продукты.

Увы, совсем неприметной эта писаная красавица не могла оставаться при всем своем желании. Но, естественно, не это обстоятельство и даже не стремление, присущее любому алхимику, разгадать секрет превращения обычных, неблагородных металлов в золото, привлекло внимание отцов иезуитов. В один и тот же день с таинственным пришельцем в Ригу прибыло несколько влиятельных шведских дворян. Представители знатных родов Шведского королевства – энергичные политики Аксель Тролле и Эрик Спарре – частенько захаживали в гости к увлеченному алхимическими процессами незнакомцу. А ведь Эрик Спарре был известен как один из лидеров оппозиции подлинному правителю Швеции – герцогу Карлу Зюндерманландскому!

За этими визитами явно крылась какая-то тайна. И молодой иезуит по поручению своего начальника исподволь наблюдал за домом. Увы, время шло, а к алхимику сегодня никто не приходил. Обнаружив, что одна из занавесок задернута небрежно и поэтому неплотно прикрывает окно, наблюдатель попытался увидеть хотя бы, чем занимаются обитатели дома. Через полчаса его терпение оказалось вознаграждено. В неплотно прикрытом занавеской окне он увидел голову красавицы, а также то, как некая мужская рука нежно гладит ее белокурые волосы. Женщина не противилась и тогда, когда губы ласкавшего ее мужчины надолго соединились с ее красивыми губками. Наконец, обе головы исчезли из поля зрения наблюдателя. Видимо, мужчина и женщина, продолжив ласки, легли на кровать. Однако ее-то, к разочарованию иезуита, занавеска надежно закрывала.

«Что ж, значит, эта дама – содержанка, а не экономка», – сделал вывод наблюдатель. Казалось, что он всецело занят питием пива, расслаблен и безмятежен. На самом же деле, чтобы скоротать время, иезуит напряженно размышлял: что нужно в доме алхимика знатным господам? Он фантазировал, отбрасывал одну версию за другой. «Быть может, они хотят приобрести у молодого ученого какой-нибудь малоизвестный яд?» – гадал наблюдатель, попивая крепкое пиво и радуясь своей способности долго пить, не пьянея. Если бы не эта способность, шпион иезуитской коллегии находился бы сейчас

не в уютной корчме, а в мрачном подземелье, где занимался бы, как и все остальные братья, тяжелейшей работой. Дело в том, что отцы иезуиты днем и ночью тайно копали подземный ход из женского монастыря Марии Магдалины в находившуюся за городской стеной цитадель, где располагался польский гарнизон. Достаточно было прорыть такой ход, и польская армия смогла бы свободно проникать в формально польскую, но непокорную Ригу, не пустившую к себе гарнизон собственного суверена – польского короля!

Время текло медленно… В корчме по-прежнему было немноголюдно, прохладно и уютно. Иезуит решил, что пришла пора сочетать работу наблюдателя с обедом, и заказал для себя порцию копченой гусятины, суп из оленины и сладкий крендель с миндалем. Не торопясь, покончил он с супом, а от гусятины его отвлекло неожиданное событие. Молодой иезуит, кстати, так увлекся наваристым супом, что не сразу заметил посетителя, направлявшегося к одноэтажному домику с огненно-красной черепичной крышей. А когда шпион, наконец, обратил на него внимание, то понял, что ему будет о чем доложить ректору иезуитской коллегии Георгу фон дер Аве! Ведь к дому алхимика шагал среднего роста, плотного сложения господин, которого в городе знали все, – самый богатый и влиятельный рижанин, судья и бургомистр Никлаус Экк…

Хозяин города подошел к двери дома и властно постучал по ней колотушкой (таковые использовались в те давние времена в городе вместо звонка). Дверь открыла красавица, приехавшая в Ригу вместе с алхимиком. Господин бургомистр что-то спросил у нее, прелестница отрицательно покачала головой. Неожиданно для молодого соглядатая всемогущий Никлаус Экк покорно развел руками и, вежливо попрощавшись, неторопливо отправился восвояси.

Всесильного бургомистра не пустили в этот дом, словно ничтожного бродягу! Иезуит аж подскочил от удивления и чуть было не пролил медовое пиво на пол. Впрочем, ему удалось удержать кружку в равновесии и через мгновение успешно отправить ее содержимое себе в рот. Молодой слуга Господень весело воскликнул:

– Еще пива!

Шпион иезуитской коллегии был уверен, что провел время в корчме с пользой, причем весьма существенной…

Закрыв за рижским бургомистром Никлаусом Экком дверь, бывшая жительница Данцига Катарина Котор прошла в комнату, где ученый-алхимик хлопотал около колб и реторт, смешивая какие-то порошки:

– Ваше высочество! – обратилась она к алхимику. – Разумно ли было не впускать такого посетителя? Ведь это был бургомистр!

– Да хоть ясновельможный пан польский гетман! Катарина, для всех я должен быть болен. Не забывай, необходимо строгое сохранение тайны. И кстати, для чего ты называешь меня высочеством, любимая? Пойми, меня, безродного изгнанника, только коробит от такого титула.

– Что бы ни случилось, Густав, ты – сын короля и законный король Швеции, истинный помазанник Божий!

– Ах, Катарина! Всей Швеции известно, что после переворота мой дядя, заточив моего отца-короля в тюрьму, приказал отравить его. Рецепт яда составил королевский врач, драбанты везли отраву через полстраны. Говорят, будто еще до начала последнего в жизни короля Эрика обеда пастор причастил его. После того как моему отцу подали тарелку горохового супа с особой «приправой», с кафедр стокгольмских кирх уже звучало, что он умер от долгой болезни и герцог Иоганн законно наследует трон! А что могло быть со мной?! В Швеции до сих пор ходят слухи, что сменивший моего отца у власти король Иоганн, тут же повелел утопить меня, словно паршивого котенка, и лишь благодаря счастливой случайности этот план не был осуществлен.

– Не горячись так, Густав! Ведь и король Эрик, когда находился у власти, не церемонился со своим братом. Он держал в темнице не только самого герцога Иоганна, ни в чем не повинного, но и его супругу, изнеженную Катарину – польскую принцессу из древнего рода Ягеллонов. А для нее, родившейся у подножия трона огромной страны, такое заточение было ужасной пыткой. Кроме того, король Эрик угрожал разлучить ее, замужнюю даму, с мужем и насильно выдать замуж за жестокого московского царя Ивана Грозного, уже успевшего схоронить нескольких жен. В шведской темнице у Катарины родился сын Сигизмунд, нынешний король Польши и Швеции.

Я вот что думаю: не мрачные ли впечатления детства так повлияли на Сигизмунда, что при первой же возможности он бросил Швецию и умчался

на родину своей матери – польской принцессы, где и был коронован как монарх Речи Посполитой, хотя не умел даже говорить по-польски? Сейчас, сидя в Варшаве, он почти без борьбы теряет свою Швецию, уступая ее герцогу Карлу, но радуется польской короне, объединяющей самое большое количество земель среди всех католических стран. Что же касается твоей судьбы, то разговоры о том, что король Иоганн хотел утопить тебя – не более чем слухи.

– Ах, милая, что нам до ныне здравствующих королей! – не переставая смешивать порошки, ответил ее любовник. – Ты не забыла, что скоро к нам придет мой новый друг, рижский доктор Иоганн Хильшениус?

Красавица немка с недовольством в голосе перебила молодого шведа:

– Густав, разумно ли это: не пускать в дом господина бургомистра и приглашать к себе какого-то лекаря?

– Тайна будет соблюдена. К больному, который никого не принимает, пришел врач – что может быть естественнее?! А доктор, хоть и не учился медицине, как я, в благословенной Италии, но лекарь он очень толковый, да и секреты, как и подобает врачу, хранить умеет. Прошу, не отвлекай меня – к приходу Хильшениуса всё должно быть готово для нашего нового опыта.

– Густав, хотя бы поговори со мной! – взмолилась женщина. – Почему ты остановился в Риге и не спешишь в Таллин, на встречу со своей матерью, вдовствующей королевой Кориной? Много лет герцог Карл и король Сигизмунд не разрешали тебе видеться с Ее Величеством. Ты жил в моем доме в Данциге, а она – в маленьком поместье в Эстляндии, куда сослал ее еще убийца твоего отца, ныне покойный король Иоганн! И вот, наконец, ты получаешь разрешение от его сына Сигизмунда увидеть свою любимую маму, но загадочно медлишь! Даже я, мать твоих детей, могу лишь гадать, каковы твои планы и побуждения.

– Катарина, к чему такой трагический тон? Разве не ты год за годом напоминала мне о моих правах на трон? Разве не ты твердила, что я должен не сидеть сложа руки, а энергично действовать? А мне вполне достаточно было бы судьбы врача или алхимика в Данциге.

– Не следует так думать принцу, – печально вздохнула честолюбивая Катарина. – Во-первых, разве не приходилось тебе работать в Польше конюхом, ходить

в одежде нищего? Лишь последние пару лет благодаря тому, что король Сигизмунд стал относиться к тебе добрее, ты можешь не беспокоиться о том, что мы завтра станем есть. Главное же – от судьбы не уйдешь! Если ты, наследный принц Швеции, не станешь заниматься политикой, она все равно займется тобой! Для чего нам ждать, что боящиеся твоих претензий на трон родственники из Польши или Швеции прикажут удавить или отравить нас. Лучше действовать, чтобы обеспечить себе не только достойную принца жизнь, но прежде всего безопасность!

– Но, Катарина, только занимаясь наукой, я отдыхаю душой от житейской суеты, и я был согласен так жить всю свою жизнь. И мне кажется, если бы я жил тихо и спокойно, ничего не умышляя, мои родственники со временем забыли бы обо мне. Но вот, я поддался на твои уговоры, появились планы, тайны – и ты тут же гневаешься! А я никому ничего не сообщаю лишь потому, что понимаю – чем меньше говорят о секретах, тем лучше. Займусь-ка подготовкой к химическому опыту, это успокаивает. Такова уж традиция в моей семье: мой папа-король в тяжелые минуты сочинял музыку и составлял гороскопы, а я занимаюсь алхимией.

– Ах, Густав! Я бы не очень беспокоилась, если бы не догадывалась, куда ты услал Кристофера Котора, моего законного мужа. У тебя не должно быть тайн от меня! Вспомни: ради тебя я изменила Кристоферу и бросила его. А он по-прежнему столь сильно любит меня, что не проклял тебя, а стал преданно служить тому, кто каждый день делит ложе с его законной супругой. И именно Кристофера ты послал на разведку в Московию! Думаешь, я ни о чем не догадываюсь? Московский царь хочет сделать тебя своим вассалом, королем Ливонии!

– Не кричи об этом так, что могут услышать на улице. И что же плохого в этом замысле? Корона Швеции мне никогда не достанется. За нее ведут войну польский король Сигизмунд и шведский герцог Карл. У каждого из них своя страна, тысячи солдат, множество подданных. Что ж, не Швеция, так хоть Ливония… Как ты смотришь на то, чтобы разместить нашу столицу в Риге, будущая королева Катарина?

– Я не королева, я всего лишь твоя фаворитка – невенчанная любовница, принц Густав. Я знаю, властитель Московии хочет привязать тебя к себе на всю жизнь, чтобы ты преданно служил ему. У него есть дочь Ксения, она намного моложе меня, необычайно хороша собой и ведет себя как аристократка. Рядом с ней ты

забудешь меня, Густав!

Принц улыбнулся. Лукаво сказал:

– Чем думать о подобном, лучше вспомни: не жениться на принцессах – это у меня семейное. Мой отец, как известно, женился по любви на простой финской девушке, причем до знакомства с Его Величеством моя мама работала служанкой в трактире. Я и так слегка нарушил традицию, когда отбил тебя у твоего мужа, ведь ты не мыла полы в трактире, а была супругой почтенного данцигского бюргера и у тебя самой была служанка, которая мыла полы в твоем доме.

– По счастью, моя служанка была уже старухой и ты вынужден был соблазнить меня. – С этими словами Катарина задорно расхохоталась. Потом вдруг лукаво улыбнулась и продолжила: – Но кто же знал, что, сбежав из дома законного супруга к принцу, я буду вынуждена сама мыть полы?

Густав не рассердился, услышав такие слова, а, напротив, засмеялся вместе с Катариной, затем вдруг нагнулся, схватил ее за талию, потом поднял на руки и стал кружиться по комнате, повторяя:

– Я люблю тебя!

– Я тоже тебя люблю, – сказала его любовница. – Густав, ты так красив, каждое утро я просыпаюсь и радуюсь, что мой любимый – самый красивый мужчина Европы!

– Я не забываю, что красив потому, что элегантен. А кто каждый день заботится о моем наряде и прическе и делает меня элегантным?

– Для будущих радостей царевны Ксении… – горько усмехнулась женщина.

Неожиданно сын короля сделался необыкновенно серьезным. Он поставил Катарину на ноги, нежно поцеловал ее, затем подошел к маленькому столику, где лежала Библия, положил на нее руку и пообещал:

– Клянусь, что не женюсь на Ксении Годуновой, даже если русский царь сошлет меня за отказ в далекую Сибирь, где птицы замерзают на лету!

Сказав это, принц Густав властно обнял красавицу Катарину и, целуя блондинку уже не нежно, а страстно, стал весьма умело расшнуровывать ей корсет, чтобы обнажить крепкую, упругую и весьма объемистую грудь молодой женщины. При этом он объяснял:

– Катарина, живут ведь не с титулом, а с человеком. Ты же прекрасно знаешь, что мы созданы друг для друга, как две половинки единого целого, и я не променяю тебя даже на императрицу! Мне ничего не надо рядом с тобой, я был бы счастлив, если бы мог целыми днями ласкать тебя или заниматься алхимией. Шесть лет назад, когда мы еще не были знакомы, покойный русский царь Федор Иоаннович предложил мне участвовать в политических играх. Тогда я отказался, теперь же поступил иначе только потому, что мечтаю возложить корону на твою прекрасную голову.

С этими словами принц вновь нежно и целомудренно погладил свою подругу по голове, после чего тут же начал уже отнюдь не целомудренно целовать ее пышную грудь. Эти поцелуи так взволновали и возбудили молодую женщину, что она стала тяжело дышать, закрыла глаза и затрепетала от удовольствия.

– Сделаем еще одного принца? – лукаво предложил своей честолюбивой фаворитке Густав.

Однако женщина, хоть и была сильно возбуждена, нашла в себе силы, чтобы отодвинуться от любовника.

– Твои слова были столь же приятны, как и твои прикосновения, но что мы будем делать, если вдруг придет Хильшениус, а я в это время буду голая?

– Ты, как всегда, права, – вздохнув, констатировал ученый.

Он помог любимой женщине зашнуровать корсет и через минуту уже продолжал подготовку к алхимическим опытам…

К приходу одного из четырех живших в Риге врачей – Иоганна Хильшениуса, Катарина тщательно принарядилась. Прекрасная уроженка Данцига сделалась воплощенной любезностью. К неудовольствию принца, она не позволила мужчинам заняться наукой до тех пор, пока те не покончили с изумительным обедом. На столе почти мгновенно появились и гороховый суп с мясом, и буженина, и пироги с сыром, и отбивные из свинины, и бокалы с рейнским вином, и ароматный каравай свежеиспеченного хлеба, и вишневое варенье… Принц Густав поймал себя на мысли, что, как всегда, не может понять, когда же проворная Катарина успела всё это приготовить?! Да, фаворитка принца умела угодить его желудку и не жалела для этого продуктов – чтобы полностью съесть такой обед, Хильшениусу и Густаву пришлось основательно постараться. Рижский доктор, любитель вкусно поесть, размяк и шепнул своему собеседнику:

– Друг мой, я вам завидую.

Сын короля невозмутимо ответил:

– Я догадывался об этом…

Наконец, обед завершился. Катарина удалилась на кухню, а два медика приступили к научному исследованию…

Самое время, читатель, оставить принца Густава и доктора Хильшениуса наедине с их колбами, ретортами, порошками. Сын короля Эриха, Густав был едва ли не единственным в то время в Европе принцем крови, ставившим науку превыше короны. Между тем, пока он предавался научным исследованиям, на континенте уже несколько месяцев кипели нешуточные политические страсти! Здесь готовились войны, плелись интриги, шла борьба за короны. Турки, находясь всего в ста милях от Вены, упорно размышляли, как передвинуть границу на сто один километр к Западу. Лучший польский полководец, великий коронный гетман Ян Замойский с большой армией двигался на юг, чтобы обеспечить Анджею Баторию, сыну своего друга покойного польского короля Стефана, корону Семиградья – чего не сделаешь по старой дружбе! А в Бухаресте не менее великий полководец, знаменитый валашский господарь Михай Храбрый, готовился захватить Молдову, Трансильванию и создать Великую Румынию, не уступавшую в силе королевствам и империям. В свою очередь, близкий родственник австрийского императора Рудольфа II, эрцгерцог Максимилиан, спал и видел, как скинуть с польского престола своего свояка короля Сигизмунда и занять его место. Пока шведский король Карл

и польский король Сигизмунд готовились к решающей схватке за земли свеев, готов и вандалов (в то время таким был один из вариантов названия Шведского королевства), польский сейм под шумок объявил шведскую Эстляндию польской.

В общем, почти каждая страна зарилась на чужое добро и искала, где что плохо лежит.

За всей этой происходившей в Восточной и Северной Европе суматохой внимательно наблюдали из Москвы. Венчавшийся 1 сентября 1598 года на царство энергичный и упорный Борис Годунов активизировал деятельность российской разведки в Прибалтике. Как раз в тот момент, когда врач из Риги и принц-изгнанник приступили к научному опыту, к городу с обозом первосортного российского льна подъезжал русский купец и талантливый лазутчик Тимофей Выходец…

Глава 2. Внештатный шпион

Возы с мешками льна и бочонками с воском медленно тянулись по грунтовой дороге, расположенной рядом с полноводной рекой Даугавой. Тимофей Выходец понял, что Рига уже недалеко, когда увидел у самой воды здание старого блокгауза.

– Эй, шевелись! – весело крикнул купец приказчикам и возчикам. – Если поторопимся, то засветло доберемся до города.

Мужики тут же стали подстегивать лошадей: всем хотелось ночевать в Риге в тепле и уюте, предварительно хорошо отужинав. Десяток телег с товарами Тимофея Выходца заметно прибавили в скорости.

Тимофей не первый раз ехал в Ригу и знал, что встретившийся на пути его обоза блокгауз построил еще покойный польский король Стефан Баторий. Когда все Задвинское герцогство присягнуло на верность Речи Посполитой, только Рига отказалась признать Батория своим монархом и объявила себя вольным городом. Мудрый король не стал вести свои полки на штурм хорошо укрепленного города. Вместо этого он повелел построить неподалеку блокгауз и не пускать в Ригу

ни одну ладью с товарами. Транзитной торговле пришел конец, и рижане-лютеране, опасаясь нищеты, признали католика-венгра, ставшего королем Польши, своим повелителем.

Король тут же проявил свою власть. Ввел новый налог – порторий. Теперь за каждый груз, который приплывал в Рижский порт или уплывал из Риги, требовалось платить звонкую монету в королевскую казну. Напрасно магистрат просил короля взять не для государственной казны, а лично для себя десятки тысяч талеров (несколько тонн серебра) и отменить налог. Его Величество взятку не принял.

Король Стефан велел вернуть католикам несколько церквей и пустить в Ригу иезуитов. Угнетаемые местными немцами, не имевшие в Риге прав бюргеров рижские латыши тут же стали переходить в католичество, надеясь, что монарх защитит своих единоверцев от произвола рижских протестантов-немцев. Однако королю оказалась безразлична судьба горожан-латышей. А вот сами иезуиты получили от него немало льгот.

Пока Тимофей Выходец ехал с обозом к городу, он не раз натыкался на владения иезуитов. Первое же имение под Ригой, что повстречалось купцу и его помощникам, оказалось поместьем святых отцов. В Мазюмправе на большом лугу паслось более сотни коров, у реки крестьяне выращивали овощи для нужд иезуитской коллегии. У противоположного берега реки виднелся Чертов остров. Хоть и не вязалось его название с идеей служения Господу, остров также принадлежал слугам Божьим. Латышские рыбаки ловили около острова жирных лососей… и тем приумножали богатство ордена иезуитов. Тимофей знал: скоро покажется Келарево поле. На огромном поле разместились сотни огородов: трудолюбивые рижане выращивали здесь капусту, свеклу, лук, огурцы, морковь – немало овощей требовалось пятнадцатитысячному городу. Отцы иезуиты ничего здесь не пахали и не сеяли, но успешно собирали урожай из звонких монет. Дело в том, что земля эта принадлежала ордену иезуитов, и рижский магистрат ежегодно платил святым отцам двести польских злотых, чтобы горожане не оставались без овощного супа.

Иезуиты сдавали в аренду принадлежавшие им мельницы, дома, склады, а деньги щедро тратили во славу Божью, проповедуя среди непреклонных лютеран католичество.

«Как же, должно быть, рижане ненавидят этих наглых иезуитов!» – размышлял Выходец.

– Эй, шевелитесь! – вновь поторопил он возчиков.

Мысленно Тимофей был уже в Риге. Он прикидывал, какой урожай уродился в самой Лифляндии, за какую сумму он может продать свой лен, какие из германских товаров лучше приобрести на эти деньги. Получалось, что недаром Тимофей Выходец отправился из русского города Пскова в дальний путь, что немалую прибыль получит он в нынешнем году. Но Выходцу хотелось большего, предприимчивый купец мечтал отправиться еще дальше, попасть в богатый немецкий Любек, чтобы там самому выбирать германские товары, платить за них намного дешевле, чем в Риге. Купец вспомнил, как воевода Пскова предупредил: быть может, предстоит вскоре ему, Тимофею, отправиться с тайным поручением царя в город Любек, и порадовался про себя. Ведь ему, купцу, тоже есть-пить надобно. Поясним: выдающийся лазутчик Тимофей Выходец, как известно историкам, служил в разведке бесплатно, исключительно из любви к Отчизне. Деньги же он получал благодаря тому, что выгодно покупал и продавал товары.

Впереди показались небольшие деревянные домики с черепичными крышами и уютными садами – началось рижское предместье Ластадия. Жили здесь люди простые: трепальщики пеньки, титаническим трудом создававшие корабельные канаты; огородники, сторожа складов рижских купцов. Но Тимофей Выходец обратил внимание на то, что этим людям не чуждо чувство прекрасного. В его родном Пскове горожане также жили в одноэтажных домах с двором. Но что было во дворах? Банька, огородик, сад, где росли кусты малины да яблони. А рижане выращивали в садах не только фрукты и овощи, но и прекрасные цветы. Особенно восхищали Тимофея кусты роз – пышные, с изумительными цветами разного цвета, источавшими приятный аромат.

Обоз продолжал движение. Впереди простиралась запретная миля – пустое пространство, где запрещалось строить дома, чтобы неприятель не мог под защитой строений подобраться к городским укреплениям. Далее был виден ров с водой и огромный земляной вал толщиной в десятки метров. На нем громоздились бастионы, внизу же размещалось несколько городских ворот. За этими укреплениями возвышалась вторая, устаревшая уже линия обороны – кирпичная крепостная стена, каменные башни. Все эти укрепления заслоняли собой дома рижских бюргеров.

Впрочем, в сам город, за крепостную стену, русский купец Тимофей Выходец попасть не мог. После Ливонской войны польский король Стефан повелел закрыть православную церковь Святого Николая в Риге и запретил пускать русских в город на ночь. Купцы из Пскова, приезжавшие в Ригу по торговым делам, ночевали в пригороде, а свой товар продавали оптом немецким перекупщикам.

Русский купец остановился на постоялом дворе своей старой знакомой – фрау Марии. Когда его подводы въезжали во двор, хозяйка радостно всплеснула руками:

– Вот, наконец, и ты, Тимотеус! Я уже сомневалась, приедешь ли ты этим летом. Скажи, будешь ли есть на ужин жареную баранину?

Выходец степенно кивнул. Слуга немки тут же отправился ловить барашка, ставшего невольной жертвой русской разведки. Через пару часов Мария подала уже отдохнувшему с дороги Тимофею мясо, источавшее соблазнительные ароматы, краюху свежего хлеба и кружку доброго пива. Когда Выходец осушил ее, трактирный слуга тут же услужливо налил еще одну:

– Почтенный господин, надолго ли прибыли в Ригу?

– Жизнь покажет, – отшил лазутчик навязчивого малого.

Почему-то не понравился купцу этот разбитной парень с жидковатой рыженькой бородкой.

Вечер предстоял приятный. Сытно поев, Тимофей спокойно сидел, наблюдая, как горит огонь в жаровне. Фрау Мария сама спустилась со второго этажа к гостю и поинтересовалась, не нужно ли чего господину. Купец улыбнулся:

– Дозволь немного отдохнуть, хозяйка, а потом подняться к тебе, порасспросить о житье-бытье, о ценах на товары.

Хоть и старше Тимофея была вдова, но красоты своей не утратила. Истосковавшийся по женскому обществу (долог в то время был путь в Ливонию из Руси) Тимофей Выходец просто засмотрелся на нее. Фрау Мария оценила

восхищенный мужской взгляд и, довольная, улыбнулась, после чего, заманчиво покачивая бедрами, стала подниматься наверх.

Неожиданно улыбка сползла с ее лица. В трактир вошла красивая молодая женщина в одежде польской шляхтянки. В сравнении с ней женственная, но уже немолодая и не столь богато одетая трактирщица внешне сильно проигрывала.

«Дворянка! – с неудовольствием подумал Тимофей. – Наверное, и гонору у этой полячки…»

Он встал, чтобы низко поклониться высокородной пани.

Та, впрочем, не проявляла никакого высокомерия:

– Хозяюшка. – Польская красавица говорила по-немецки не так хорошо, как Тимофей, но понять ее было можно. – Не найдется ли здесь комнаты для меня и комнаты для моих слуг?

Мария озабоченно ответила по-польски:

– Не гневайтесь вельможная пани…

– Комарская, – подсказала ей приезжая.

– Вельможная пани Комарская, все комнаты, кроме одной, уже сданы… – несколько рассеянно ответила Мария.

– А могут ли мои хлопы поспать ночью в вашем сарае на сене?

– Конечно, милостивая пани, я и денег за то никаких не возьму.

– А накормить моих людей досыта гороховой кашей и горячим хлебом?

– Как повелите, вельможная пани.

– Яцек! Распрягай лошадей.

– А ваши повозки с бочками могут постоять во дворе, – ничего с ними не случится, – пояснила польской дворянке фрау Мария.

– А я и не сомневаюсь. Мне – пирог с сыром, кусок жареной гусятины и самого лучшего пива из того, что у вас есть.

– Могу предложить привозного из Любека, – с довольным видом сказала Мария.

– Быть в Риге и пить не рижское, а любекское пиво, – недовольно фыркнула шляхтянка. – Рижского медового мне!

Мария отправилась на кухню. Пани Комарская в ожидании, когда принесут ее заказ, пялилась на Тимофея. Тот подумал про себя – принесла же нелегкая эту шляхтянку! Присутствие на постоялом дворе польской дворянки совершенно не входило в планы русского лазутчика. Полячка строгим голосом спросила:

– Кто таков?

Тимотеус, согласно этикету, низко поклонился шляхтянке и пояснил по-немецки:

– Я Тимотеус, купец из русского города Пскова.

– А я – Ванда, – неожиданно совершенно панибратски сказала шляхтянка и приветливо улыбнулась Тимотеусу. – А вы часто приезжаете торговать в Ригу?

Тимофей Выходец насторожился. Он чувствовал в словах полячки какой-то подвох: шляхтянка вела себя с ним так, как с равным, приветливо улыбалась, интересовалась его прошлым. С чего бы это?

– Ваш пирог, – произнесла незаметно подошедшая Мария.

Тимофей удивился: лицо у его знакомой трактирщицы было неподвижным, словно маска, от фрау Марии так и веяло холодом, она явно старалась сдержать неприязнь к шляхтянке, но не могла этого сделать.

Когда немка ушла, Ванда Комарская с удивлением спросила у Тимофея:

– Не знаете, что это с ней? Я ведь ей ничего плохого не сделала.

– Сам удивляюсь.

– Так вы не в первый раз в Риге? – настойчиво повторила вопрос польская красавица.

Тимофей обратил внимание на то, что не может от этой женщины с выразительным лицом, тонкой талией и явно сильными ногами глаз отвести и скоро его назойливый взгляд будет просто невежливым. Россиянин стал смотреть на свою кружку с пивом, а польской дворянке учтиво ответил:

– Вельможная пани…

– Да никакая я не вельможная! Не каждая шляхтянка – дочь или супруга вельможи. Можно говорить просто – пани Комарская.

«К чему бы такая любезность? И Мария встревожена», – с нарастающей тревогой подумал Выходец. Впрочем, хоть он и забеспокоился, внешне оставался расслабленным, довольным жизнью торговцем, проделавшим нелегкий путь и отдыхающим на постоялом дворе.

– Пани Комарская, вы верно заметили, я не первый раз в Риге.

– Вот! Вы-то мне и нужны! – обрадованно констатировала молодая женщина.

– Рада, что мои гости проводят время в приятной беседе. – Подошедшая Мария поставила перед пани Комарской тарелку с огромным куском зажаренной гусятины.

Полячка тут же впилась зубами в гусятину, не скрывая, что сильно проголодалась. А Тимофей снова обратил внимание на такую странность: слова Марии вроде бы были приветливы, но вот тон, каким они были сказаны… Другой постоялец мог бы ничего не заметить, но Тимофей Выходец был на этом постоялом дворе не впервые, знал, как обычно фрау Мария говорит с людьми, и потому не мог понять, что породило у трактирщицы такие негативные эмоции.

– Чем могу услужить вашей милости? – спросил он у Ванды Комарской.

– Вы, должно быть, знаете, по какой цене в Риге можно продать конопляное семя?

Вот такого вопроса от юной дворянки купец никак не ожидал.

– Да зачем вам это?

– Дело в том, что год назад я вышла замуж, – пояснила Комарская. Видя, какой у Тимофея недоуменный вид, рассмеялась. – Сейчас вы, чего доброго, спросите, включает ли понятие «супружеский долг» в Польше необходимость торговать бочками конопляного семени?

Фраза получилась весьма фривольной, но пани Комарская была столь весела и непосредственна, что Тимофей невольно начал проникаться к ней самой искренней симпатией.

– Так вот, – продолжила чернобровая красотка Ванда. – Имение моего мужа находится в Инфлянтах под Динабургом, куда я переехала из Малой Польши. Наши хлопы выращивают не только пшеницу, но и конопляное семя. Весной, когда Двина становится судоходна, мой супруг продает конопляное семя торговцу Симону из Полоцка, который проплывает по реке мимо нашего небольшого поместья, как объяснил мне муж, каждый год. Увы, в этом году торговец почему-то не приплыл. К тому же мой муж сломал ногу. А мне нужны деньги – моя сестра Бася выходит замуж, скоро мне следует ехать на свадьбу и нужен подарок. Я и решила – сама поеду в Ригу и продам конопляное семя.

– Но ведь это же опасно! Долгая дорога, разбойники. А у вас, пани Ванда, и охраны нет – два хлопа, от которых при нападении толку немного, – удивленно произнес Тимофей Выходец.

Видя его искренность, пани Ванда постаралась успокоить купца.

– Во-первых, мы ехали всего несколько дней. А во-вторых, слуги мои хоть и простые хлопы, но весьма сильные и смелые. Главное же, у меня самой есть два пистолета, мушкет и сабля. Еще в отчем доме мой дядя Януш несколько лет

обучал меня фехтовать, потому что я так сама пожелала. А он – опытный воин. Думаю, от разбойников отобьюсь, а на охранников у меня с мужем нет денег – имение наше невелико. Да, имение маленькое, как комарик, и зовут нас Комарские, – фыркнула Ванда.

И без паузы добавила:

– Вот такая я несуразная пани: фехтовать умею, а сколько стоит конопляное семя – не знаю.

С каждой минутой Ванда всё больше восхищала Тимофея, он почувствовал, что начинает терять голову от этой прекрасной чернобровой полячки. Шляхтянка, несмотря на молодость, прекрасно понимала, какое производит впечатление на лиц противоположного пола, но, видимо, считала: оттого, что мужчины начнут восхищаться ею, вреда не будет.

– Интересно, сколько дадут за двадцать бочек конопляного семени? – вернулась она к волнующей ее теме.

– А это смотря что за товар. – В разведчике проснулся купец. – Пройдемте, посмотрим…

Хозяйка постоялого двора Мария с удивлением наблюдала в окно, как ее постояльцы зачем-то пошли к телегам и в полутьме что-то там делают. Когда уже через пять минут они вернулись, взгляд трактирщицы стал менее жестким.

Вскоре купец Тимотеус вежливо раскланялся с пани Комарской и отправился в свою комнату. Он спешил поговорить с фрау Марией, чтобы понять причину ее странного поведения. Но прежде чем навестить трактирщицу, Тимофей достал из своего дорожного сундука отрез персидского шелка. Шелк этот, заметим, так ценился в то время в Европе, что голландские и британские купцы просто боролись друг с другом за право вывозить из Московии этот дорогой материал, который в саму Москву доставлялся по Каспийскому морю и по рекам из далекой Персии.

Когда фрау Мария увидела столь ценный подарок, то вся зарделась и даже слегка возмутилась:

– Тимотеус, как ты можешь! Если в прошлом году я уступила тебе, то только потому, что устала от одиночества, а не ради подарков. Неужели я похожа на женщину, которую нужно покупать подношениями? Тем более что я и так очень рада тебе.

Тимофея обрадовало вырвавшееся у женщины в последней фразе признание. Нельзя сказать, что Выходец считал Марию своей единственной и ненаглядной (ухарь-купец давно уже не оставался без любовных утех, посещая, например, Нарву), но рижская трактирщица искренне нравилась ему. Причем не только как любовница но и просто, как хороший, добрый человек.

– Лебедь белая, краса светлая! – сказал он блондинке Марии. – Да почто мне мое богатство, коли не вправе даже подарок принести той, что давно люба мне?!

При этих словах белокурая рижанка совсем размякла: ни подарков таких она не видывала, ни слов таких не слыхивала с тех пор, как двадцать лет назад состоялась ее свадьба, а через несколько лет корабль, на котором плавал ее супруг, ушел в море и не вернулся.

Тимофей Выходец с интересом смотрел на женщину, по сути, только что признавшуюся ему в любви.

– А почему тебе так не понравилась эта шляхтянка? – поинтересовался он.

И вновь ответ Марии был очень лестен купцу:

– Она молода, очень красива и чего-то хотела от тебя.

Тимофей улыбнулся и искренне сказал:

– Если бы мне надо было выбирать, где сегодня спать, в комнате пани Комарской или в твоей, я бы выбрал твою.

– Ох, а не обманываешь ли ты меня?

– Пани Комарская безусловно прекрасна, – честно выразил свои чувства Тимофей. – И нрава она приятного. Но каждый сверчок должен знать свой

шесток. И для простого купца глупо разводить амуры с дворянкой. А главное, я ведь уже не мальчик, понимаю: не всё то золото, что блестит. Она хороша собой, а ты страстна, она обаятельна, а ты мила, она бойка на язык, а ты добросердечна и люба мне. И я тебя в Риге ни на кого не променяю!

В ответ Мария просто сказала:

– Позволь мне задуть свечи, Тимотеус, при свете мне неловко раздеваться перед мужчиной.

В темноте Мария стала снимать с себя платье, а Тимофея их откровенный разговор заставил задуматься. Да, всем хороша была эта женщина для холостого псковитянина: и мила, и умна, и в постели хороша, и хозяйственна – идеальная жена. Но Тимофей был реалистом и считал: «Я никогда не поведу под венец лютеранку. Мария же не пожелает ехать вслед за мной в чуждую ей Московию, менять веру. Что же нам остается? Разве только не отказывать себе в радостях жизни при встрече…»

Как только Тимофей подумал о радостях жизни, обнаженная Мария намекнула, что ему надо поторопиться:

– Почему ты всё еще одет Тимотеус? Я же жду тебя с нетерпением…

Глава 3. Вербовка

Слаб человек! Вечером Тимофей объяснился в любви трактирщице Марии и долго ласкал ее, а под утро, когда они, утомлённые, наконец-то заснули, купцу вдруг приснилась обнаженная красавица полячка Ванда Комарская. Сон был невероятно странным, каким-то бредовым: голая шляхтянка с саблей в руке бежала по лесу, а за ней гнались несколько крепких неопрятных хлопов и орали: «Все равно наша будешь! Догоним, зажарим и съедим!» Шляхтянка была в ужасе, бежала изо всех сил, но расстояние между обнаженной Вандой и хлопами-людоедами постепенно сокращалось. Купец видел, как прекрасна и беззащитна женщина, хотел помочь попавшей в беду шляхтянке, но обнаружил, что почему-то не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой,

и мог только наблюдать, как хлопы загоняли голую полячку, словно охотники косулю. Вот она споткнулась, упала, выронила саблю. Один из хлопов вскочил на нее, заломал ей руки за спину и пальцами стал мять женщине бедра, крича: «Зажигай костер, сейчас зажарим ее на вертеле!» Тут Тимотеус проснулся. Причем хоть и жутким был сон, но вид обнаженной панны привел его в такое настроение, что Выходцу захотелось вновь заняться любовью с безотказной для него трактирщицей Марией. Как говорится, клин клином вышибают.
Он повернулся на другой бок, а там пусто… Оказывается, пока он отсыпался после бурной ночи любви, трудолюбивая Мария уже встала и пошла хлопотать по делам трактира. Совсем стыдно стало Тимофею – и сон дурацкий был, и заспался. А ведь не для того, чтобы любоваться шляхтянкой Вандой или трактирщицей Марией, он сюда приехал. И даже не для торговли, а для дел государевых.

Быстро оделся Выходец, спустился на первый этаж, а для него уже, оказывается, завтрак готов: свежий творог со сметаной, кусок отварной говядины, пшеничный хлеб с маслом, заморский голландский сыр, чай из трав, сочные сливы. Он ел, а Мария с радостью смотрела на него – бодрая, принарядившаяся, словно и не было бурной ночи.

С нежностью посмотрел на подругу Тимофей, но свой кошмарный сон забыть не мог. И не выдержал, спросил:

– А где пани Комарская?

– Давно уже упорхнула, говорит, будто конопляное семя продавать.

Мария сказала это так, что Тимофей тут же пожалел о своем вопросе. Трактирщица, впрочем, не стала ссориться. Тихонько так, чтобы никто не слышал, кроме них, произнесла:

– Тимотеус, ты бы сегодня делами допоздна не занимался. Я приготовлю тебе хороший ужин, много горячей воды…

После тактичного напоминания Марии, что после долгого пути купцу не помешала бы банька, настроение у Тимофея Выходца совсем испортилось: «Ох, раззява! Да я ведь к ней вчера немытым полез. И ведь собирался попросить корыто и воду… А все из-за этой пани Комарской позабыл, сбила с толку».

От стыда Тимофей не знал, куда глаза девать.

А Мария ласково спросила:

– Что тебя тревожит, милый мой?

И так ласково это было сказано, что Тимофей решился:

– Хочу попросить тебя кое о чем, если днем ты не занята.

– О чем же? Вновь пройти с тобой в мою комнату? – Мария откровенно веселилась.

– Мне надобно передать письмо одному рижскому купцу. Ему написал послание торговый партнер из Пскова. Но власти этого города не любят, когда московиты ходят за крепостные стены и долго там задерживаются. Не могла бы ты отнести письмо в город?

– Конечно, могу! А кому его передать?

– Знаешь ли ты патриция Генриха Флягеля?

– Да кто же его не знает в Риге, Тимотеус?! Рижский патриций Флягель – один из богатейших людей в нашем городе, родственник самого бургомистра и бургграфа Никлауса Экка.

– Только передай письмо прямо ему в руки, а то слуги вдруг потеряют.

– Конечно, конечно. Что бы ты хотел съесть на обед, Тимотеус? Может быть, закоптить гуся?

Тимофей аж зажмурился от удовольствия. Он-то знал, сколь вкусен рижский копченый гусь, приготовленный фрау Марией!

В целом день складывался для Тимофея весьма удачно во всех отношениях. Хотя небо с утра заволокло тучами, дождь так и не пошел. Зато похолодало, и солнце

больше не припекало, не мешая сосредоточиться на коммерции. Пеньку удалось продать самому Францу Ниенштедту. Владелец нескольких домов в Риге, имения Сунтажи в Лифляндии, один из четырех рижских бургомистров Франц Ниенштедт знал толк в русских товарах. Мигрант из Вестфалии, он приехал в Ливонию небогатым, но быстро сделал целое состояние на торговле с московитами. Господин бургомистр в молодости сам ездил на Русь, бывал не только в Пскове, но и в далекой от Ливонии Москве, знал толк в русском льне, пеньке, конопляном семени, воске, смоле. Купца Выходца он знал давно и ценил за честность, а также за то, что товар у Тимофея всегда качественный.

Ведя торговые переговоры, два купца пытались превзойти друг друга в вежливости: Тимофей говорил по-немецки, шестидесятилетний бургомистр отвечал по-русски. Торговался он весьма жестко, стоял на своем, но ведь изначально цену определил, что называется, по-божески. А после заключения сделки и вовсе расщедрился: пригласил в винный погреб рижского магистрата обмыть сделку. За свой счет. Тимофей не очень-то хотел пить днем, но отказаться от такого приглашения было бы просто невежливо. По дороге к винному погребу Франц рассказывал:

– Сегодня удачный день. Заключаю уже вторую сделку за день. Первую, впрочем, обмыть было непросто.

– Почему же?

– Не поверишь, заключил сделку с дамой. Пришлось ей кланяться после сделки – все-таки дворянка. Представляешь, молодая польская шляхтянка, а так хорошо разбирается в ценах на конопляное семя! Просто удивительная женщина. Эх, забыл, как ее зовут!

– Может быть, пани Комарская?

– А ты откуда знаешь?

– Да мы остановились на одном постоялом дворе.

Ранее Выходцу не приходилось бывать в винном погребе рижского магистрата. Оказалось, что находился он не в самой Ратуше, а в отдельном здании рядом с Купеческой улицей. Выглядел винный погреб внутри очень солидно: более трех

метров в высоту, стены из доломита, массивные столбы, подпирающие потолок. Бургомистр и купец оказались в тот день первыми посетителями:

– Бутылку старого бургундского? – щедро предложил Ниенштедт.

«Напиться он хочет, что ли?» – удивился такому выбору псковитянин и осторожно заметил:

– Мы на Руси более привычны к рейнскому.

– И бутылку рейнского! – тут же потребовал господин бургомистр.

Пока слуга расставлял бокалы и бутылки, приносил закуску: сыр и дорогущие фрукты из Испании, купец решил удовлетворить свое любопытство:

– А зачем рижскому магистрату свой винный погреб?

– Он существует уже очень давно. И с этим зданием связано немало легенд. Говорят, сюда даже был прорыт подземный ход.

– Для чего же?

– Как известно, вино в Риге только привозное. Причем доставляют его из очень дальних краев. В давние времена в Ригу редко попадало вино. Корабли в то время не отличались такой грузоподъемностью, как сейчас, перевозка товаров стоила намного дороже, и большая бочка хорошего вина порой равнялась годовому доходу ремесленника. Так вот: магистрат часть городских сбережений размещал здесь, в винном погребе. Во-первых, большую бочку с вином труднее украсть, чем горсть золотых монет из казны. Во-вторых, небольшой бочонок можно было вручить горожанину в награду за заслуги перед Ригой. Заметьте, это давало гарантию, что награда доставит радость самому награжденному, в то время как деньги могли быть потрачены, к примеру, на наряды его супруги или тещи. Существует легенда, что в те времена, когда вино стоило в городе намного дороже, чем сейчас, группа воров не поленилась прорыть сюда подземный ход и по бутылке долго таскала дорогой напиток. Когда-то здесь собирались члены магистрата – отмечать свои праздники. А ныне иные времена. Винный погреб стал не нужен городу, и на последнем заседании магистрат

решил продать его. Сейчас ищут покупателя, готового хорошо заплатить, и скоро здесь всё изменится.

Глядя, как бургомистр потребляет крепкие вина, наблюдательный разведчик понял, что Ниенштедт, несмотря на успешно заключенные сделки, нервничает. Какие-то явно не связанные с торговлей неприятности тревожили пожилого рижанина. И Тимофей прямо спросил:

– Вы очень обеспокоены. У вас что-то случилось?

– Меня преследуют по суду.

– Как же так? Ведь всем известна ваша честность!

– Мой зять, синдик Гильхен, поссорился со своим заместителем Годеманом, и тот обвинил моего родственника в злоупотреблениях. Я поручился за Гильхена, но оказалось, что мой зять не угодил самому бургграфу Экку. Он ни в чем не виновен, но суд склоняется на сторону Годемана. Да, я никому не советую в этом городе ссориться с Никлаусом Экком. Похоже, он хочет сжить со света не только зятя, но и тестя. Хорошо хоть, я купил имение в Лифляндии, будет где жить, если придется бежать из Риги.

Видя, сколь огорченное лицо у Тимофея, бургомистр добавил:

– А вы – добрый человек, раз так близко к сердцу принимаете чужие беды.

Между тем Тимофея Выходца огорчало в первую очередь то, что ценные сведения невозможно использовать. Ведь в сложной политической игре Москва собиралась делать ставку именно на Никлауса Экка, и поэтому ей не нужна была дружба с его недругом. Тимофею оставалось лишь вежливо сочувствовать одному из четырех рижских бургомистров, гонимому более сильным соперником.

Выпив в одиночку бутылку бургундского, Франц Ниенштедт чуть повеселел, сделался разговорчивым. Спросил Выходца:

– Так, значит, вы и пани Комарская остановились на одном постоялом дворе? Она – красавица, но и вы должны нравиться женщинам. Я вот думаю, к чему

приведет такое соседство?

– Да она дворянка, шляхтянка!

– Какое это имеет отношение к делам амурным? Наивная провинциалка рассказала мне, что поссорилась с мужем из-за того, что тот считал ее юной глупышкой и не прислушивался к ее словам. Однажды прелестной пани такое отношение настолько надоело, что она отказалась исполнять свой супружеский долг. Неизвестно, к чему привела бы ссора, но тут ее супруг еще и ногу на охоте сломал. Я сделал вывод, что у очаровательной пани давно уже никого не было и мимолетная интрижка ей не помешает. Что это вы молчите, Тимотеус? Чувствую, вам очень понравилась эта прелестная пани, иначе бы уже отшутились.

Сумел-таки смутить Тимофея старый проницательный бургомистр!

Пока Тимофей Выходец и Франц Ниенштедт судачили о прекрасной полячке, а на постоялом дворе фрау Марии нанятые Ниенштедтом грузчики и возчики-псковитяне перетаскивали груз с возов Выходца на телеги рижского бургомистра, сама хозяйка постоялого двора отправилась выполнять поручение русского купца. В полдень она явилась в дом Генриха Флягеля. Рижский патриций откровенно пренебрег ею. Вдова прождала почти полчаса, прежде чем важный господин потрудился пройти в комнату, куда слуга провел ее. Хозяин богатого дома без всякого почтения поинтересовался:

– Что у тебя за просьба?

Разозлившись, женщина молча протянула ему запечатанное письмо. Флягель вскрыл конверт и переменился в лице.

– Садитесь, госпожа! – тут же вежливо предложил он Марии.

– Я лучше пойду.

– Подождите, позвольте угостить вас испанским вином.

– Я не имею обыкновения пить с утра, – ледяным тоном произнесла гостья.

– Поверьте мне, это легкое вино, оно бодрит, но не порождает путаницу в мыслях.

Мария могла уйти, но ей вдруг стало любопытно, что же за письмо получил Генрих Флягель.

– Скажите, герр Флягель, вам предлагают выгодную сделку?

– О да! – пылко воскликнул повеселевший Флягель. – Так как вас зовут?

– Я же назвалась вашему слуге – фрау Мария.

Видя, что дама все еще недовольна, Генрих Флягель обворожительно улыбнулся:

– Фрау Мария, отныне мой дом всегда открыт для вас!

Слуга торопливо нес для небогатой женщины из предместья хрустальный бокал с дорогим вином…

Вернувшись на постоялый двор, Тимофей Выходец повел себя весьма необычно. Прежде всего он извлек из дорожного сундука ножницы и одним движением отрезал свою длинную бороду. Затем достал опасную бритву и, не торопясь, побрился. Без суеты извлек из сундука платье европейского покроя.
И получилось: входил на постоялый двор русский купец, а вышел человек по одежде, по манерам поведения похожий на рижского бюргера. Разведчик и так слишком много времени улаживал личные торговые проблемы, давно пора было приступить к делам государственным.

Во дворе Тимофей сел на коня с заранее припасенным немецким седлом и поехал к городу. У городских ворот стражник окликнул его:

– Ты кто?

– Я – Карл, приказчик купца из Вендена, послан в Ригу с поручением.

В городе Тимотеус спросил дорогу у случайного прохожего и через несколько минут уже стучал колотушкой в дверь рижского врача Иоганна Хильшениуса.

Хотя врач был и удивлен появлению незваного гостя, отказывать в беседе незнакомому купцу Тимотеусу он не стал. Через несколько минут они уже сидели за столом и пили целебный бальзам из трав, созданный по рецепту Хильшениуса. Бальзам бодрил, слегка кружил голову (тем более что Выходец ранее уже выпил бутылку рейнского – не пропадать же было добру).

– Вы заслуживаете лучшей участи, – неожиданно произнес купец. – Слава о вас дошла до столиц других стран. Стоит ли лечить рижских ремесленников, когда вы можете врачевать самого русского царя!

– А в чем разница? Бывает, ремесленника вылечить легче, – флегматично отозвался доктор. – К тому же никто не пугает, мол, если пациент помрет, тебя казнят.

– Я уполномочен предложить вам жалованье в двести серебряных рублей в год.

По сути, Тимофей предлагал доктору Хильшениусу целое состояние – несколько килограммов серебряных монет в год! Столько в Москве зарабатывали разве что дьяки приказов (говоря современным языком – министры). Но на Иоганна Хильшениуса огромная сумма не произвела впечатления.

– И здесь я могу неплохо заработать. Ведь своего университета нет ни в принадлежащем Польше Задвинском герцогстве, ни в герцогстве Курляндском. Во всей Риге живут только четыре врача, потому что ехать обучаться медицине в Германию или Италию очень дорого.

Отхлебнув бальзама, доктор продолжил:

– Еще недавно нас было трое, но молодой Базилий Плиний, сын ректора Домской школы, сумел выпросить у Никлауса Экка деньги на обучение в германском городе Виттенберге.

– И как ему понравилась Германия?

– Ох, судя по его словам, тамошние немцы отличаются от рижан тем, что совсем не умеют пить. Когда Базилий залпом выпил кубок водки, виттенбержцы были весьма удивлены. Они даже стали говорить о человеке, способном много выпить

и не захмелеть, что он использует лифляндский способ пития.

Прервав свой рассказ, лекарь взял графин и налил себе и гостю шнапса.

«Говорит о кубках, а наливает по рюмочке», – с иронией подумал разведчик. Впрочем, ему это сегодня было только на руку, ведь ранее он уже посетил погреб рижского магистрата.

Доктор смешал шнапс с бальзамом. Гость последовал его примеру. Хильшениус, как и подобает врачу, выразил заботу о физическом состоянии своего посетителя:

– Ваше здоровье!

Тимофей выпил и подумал: «Чего только не выдумают немцы! И впрямь хорош напиток».

Впрочем, качество алкогольного напитка не отвлекало Тимофея от вопроса: для чего после предложения переехать в Москву хозяин дома заговорил о каком-то своем коллеге Плинии и о выпивке? Но разведчик не смог вернуться к нужной теме, ибо врач продолжил:

– Университет, где учился Базилий, один из лучших. Но ведь верно говорят: в гостях хорошо, а дома лучше. Недаром в Виттенберге Плиний написал пылкую поэму о Риге. О, это такое признание в любви нашему городу!

Доктор встал, взял с полки книгу и начал читать, сразу же переводя с латыни на понятный Тимофею немецкий:

– В мире есть дивное место, где знатна страна и богата,

Имя Ливония ей дали с древнейших времен,

На европейских просторах

Никто с ней не может сравниться…

А как он описывает наш богатый торг, рижское многолюдие! Что касается рижанок, то, по уверению Базилия, сами боги не нашли бы ни малейшего изъяна в их красоте неземной.

Выходец подумал о белокурой красавице Марии и признал:

– Многие рижанки и в зрелые годы сохраняют свою красоту.

Хильшениус улыбнулся и неожиданно заговорил совсем о другом:

– Двести рублей, конечно, очень большие деньги, но стоит ли мне из-за них уезжать на чужбину из такого прекрасного города?

Ответ последовал мгновенно:

– Московский царь готов не только платить вам двести серебряных рублей в год. Вы будете жить словно князь! Каждый день вам будут присылать блюдо с царского стола и полторы кварты водки. Ежегодно в ваш дом станут привозить четыре бочки хмельного меда и столько же бочек пива… Зимой вам привезут шестьдесят возов дров – таким количеством не дом, а дворец можно отапливать беспрерывно! У вас будет большой дом с садом, где вы сможете гулять и разводить цветы прямо у крыльца. Воздух в Москве, в отличие от Риги, где люди живут скученно, весьма свеж, сам же город огромен, и в нем много всяких диковин. Кроме платы в двести рублей в год, вам помесячно будут платить по двенадцать талеров, выделят пять добрых коней, не пожалеют бархата и парчи для того, чтобы у вас были красивые кафтаны. Ездить вы будете в собственной карете, а под Москвой вам станет принадлежать поместье.

Доктор Хильшениус был сражен. В Риге он жил неплохо, но о таком великолепии не мог и мечтать не только он сам, но и рижские бургомистры. Врач удивился:

– Не обманываете ли вы меня!? Зачем царю платить столько простому лекарю?!

– Государь наш заботится о слугах своих, – чуть велеречиво ответил Тимофей Выходец…

…Лишь приехав в Москву доктор Хильшениус поймет, в чем дело. Сев на трон, царь Борис вдруг стал тяжко болеть. Порой целыми днями лежал он, не вставая, даже пойти в церковь в праздничный день было для него неимоверно тяжело. Борису Годунову очень хотелось жить. Не для себя: постоянные боли лишили его существование радости. Царь стремился дожить до того дня, когда будет устроена судьба его детей: красавица Ксения выйдет замуж за одного из царей иноземных, умница Федор вырастет и научится постоять за себя (увы, не успел возмужать к моменту своей смерти убитый заговорщиками Федор Годунов). Чтобы продлить свою жизнь, царь Борис нанял четырех иноземных врачей. Но это не прибавило ему здоровья…

Глава 4. Тайн не существует

Поздним вечером, когда шпион иезуитов, «ударившийся в запой» и проводивший в корчме не первый день, уже собирался уходить из этого заведения, а корчмарка – закрывать пивную, наблюдатель вдруг заметил важного господина, торопливо шедшего к дому, за которым ему велено было следить. Визитер явно пытался остаться незамеченным. Но иезуит, несмотря на полутьму и большое количество выпитого пива, узнал рижского патриция Генриха Флягеля и решил продолжить наблюдение. Хозяйка заведения, решившая хоть подзаработать на пьянчуге, не стала закрываться и принесла ему еще пива, не понимая, как в этого худощавого молодого человека влезает столько жидкости. Итак, иезуит мог спокойно наблюдать за рижским патрицием…

Флягель нетерпеливо постучал колотушкой в дверь дома, где жил принц Густав. Ему открыла Катарина Котор. Быстро впустив Флягеля, она тут же поспешно закрыла за ним дверь.

Женщина неприязненно смотрела на рижского купца. Ее гость молчал, глядя на данцигскую красавицу с иронической улыбкой.

– Разве мой муж не предупредил тебя, чтобы ты не шлялся без нужды к его высочеству принцу Густаву?

– Ах, перестань, блудливая Катарина! – отмахнулся Флягель. – Во-первых, ты давно уже не жена моему дальнему родственнику Кристоферу Котору. Во-

вторых, я пришел по важному делу. Проводи меня к его высочеству.

На этом унижения Катарины не завершились. Когда принц Густав увидел гостя, то, к неудовольствию своей фаворитки, сказал:

– Мой верный Генрих, думаю, мне лучше выслушать вас наедине.

Его слова не только обидели, но и удивили Катарину: что же такое происходит?! В Данциге ее Густав был совсем другим, тихим и кротким, всегда послушным…

Дождавшись, когда Катарина закроет за собой дверь, Генрих Флягель с поклоном передал принцу Густаву свиток:

– Вот документ, который гарантирует безопасность вашего высочества в Московии.

Принц с волнением прочитал письмо. Затем протянул свиток обратно Генриху Флягелю:

– Пусть это письмо хранится у вас в Риге. Надеюсь, вы не забудете, что делать с ним в случае моей смерти.

– А вы, ваше высочество, надеюсь, не забудете моих услуг.

Прошло еще несколько минут, и принц громко окликнул Катарину. Когда красавица вошла в комнату, сообщил ей:

– Готовься к отъезду. Завтра ранним утром мы покинем Ригу.

Катарина ничего не понимала, но решила немного поучить любовника, чтобы тот не отвык подчиняться ее воле. Не стесняясь присутствия Флягеля, она нравоучительно заявила:

– Уж если нам суждено отправиться в опасный путь, не лучше ли сделать это ночью, под покровом темноты?

Но принц спокойно возразил:

– Во-первых, на ночь стража закрывает городские ворота и мы не смогли бы сегодня или завтра ночью выбраться из города. А во-вторых, мы всего-навсего поедем к моей матери в Эстляндию. Суверен Лифляндии и Эстляндии польский король Сигизмунд разрешил мне поездку. Чего мне бояться?

На прощание Генрих Флягель многозначительно сказал:

– Надеюсь, ваше высочество, скоро вы вновь прибудете в наш прекрасный город.

– О да, мне понравилась Рига. Она может стать алмазом в любой короне.

Услышав этот комплимент родному городу, рижский купец радостно улыбнулся и вежливо откланялся. Ему уже чудилось, как он получит дворянство, станет придворным…

Катарине Котор в тот вечер так и не удалось укротить ставшего вдруг строптивым любовника. Зато ночью принц Густав предался с ней любви и доставил красавице немало приятных минут…

* * *

Тимофей Выходец в тот вечер, как положено, вернулся на постоялый двор. Радовался предстоящей встрече с Марией, но думал почему-то о прекрасной пани из-под Динабурга. Мелькнула мысль: а может, стоит последовать совету пьяного бургомистра, может, попытаться добиться благосклонности не ладящей с мужем шляхтянки, она ведь прекрасна, как сказочная мечта?

Мария словно читала его мысли. С порога сообщила ему:

– На постоялом дворе, кроме тебя и твоих людей, никого больше нет. Пани Комарская продала товар, купила в подарок сестре какие-то драгоценности и после обеда уехала. Напрасно. Вот шальная баба! Ведь на ночь останавливаться ей придется в лесу. Но тщетно я уговаривала ее подождать до утра, чтобы назавтра ехать весь день и к вечеру достигнуть Кирхгольма.

«А ведь уговаривала моя Маша эту пани остаться, хоть и ревнует ее ко мне», – с нежностью подумал Тимофей. Всё встало на свои места, и он был даже рад, что не надо мучиться, выбирая между попыткой соблазнить прекрасную, как мечта, дворянку и верностью прежней любовнице. Тем более что, видя беспокойство фрау Марии за судьбу пани Комарской, Тимофей окончательно решил, что нельзя ему было бы обманывать трактирщицу. «От добра добра не ищут, – рассердился он на себя. – Выдумываешь непонятно что, а Господь тебе, дураку, такую подругу послал!»

Неожиданно мысли его приняли иное направление. Почему-то вновь вспомнился ночной кошмар, и хотя это был лишь нелепый сон, Тимофею Выходцу стало жаль Ванду.

– Ты чем-то озабочен, милый? – спросила Мария. – Что будешь делать раньше, мыться или ужинать?

– Мыться.

– А я тебе спинку потру, – озорно сказала любовница.

Понятное дело, мылся Выходец очень долго, до того момента, когда Мария призналась, что больше у нее нет никаких сил терпеть и его дальнейшие ласки излишни…

Потом был необычайно поздний ужин. Мария щедро угощала дорогого гостя и копченой лососиной, и жареными рябчиками, и первосортной ветчиной. Запивал эти яства русский разведчик не дешевым рижским пивом, а дорогим – из Любека.

Хорошо было Тимофею: заключил выгодную сделку, сытно поел, рядом – любящая женщина, ждущая, пока он отдохнет, после чего соизволит ласкать ее, податливую, красивую и страстную… Можно было бы предаться приятному времяпрепровождению, но разведчик, находясь за границей, ни на минуту не забывал о государевом деле. Поэтому, наевшись до отвала, он поинтересовался вроде бы небрежно, между делом: отнесла ли Мария письмо купца из Пскова патрицию Генриху Флягелю?

– Как ты мог сомневаться, милый? Твое тайное послание попало по назначению.

Тимофей чуть было не подскочил на лавке.

– Почему тайное послание? Всего лишь письмо от псковского купца.

Мария и сама поняла, что, расслабившись рядом с любовником, сболтнула лишнее и теперь надо объясниться. Спокойно произнесла:

– Тимотеус, женское сердце не обманешь. Еще в прошлый твой приезд я поняла: не только выгода от торговли интересует тебя. Не бойся, милый, я была очень осторожна, даже в дом Флягеля постучалась лишь в тот момент, когда на улице никого не было, и никто посторонний не обратил внимания на мой визит. Имей в виду, я и дальше могу помогать тебе – мне ведь легче ходить по городу, не вызывая никаких подозрений.

Красивая трактирщица говорила спокойно, сочувственно и ласково, не удержавшись, чуть покачала своими бедрами: милый, мол, не пора ли заняться делом более приятным, чем разговор, пусть даже столь важный. Между тем Тимофея Выходца, несмотря на ее ласковый тон и ободряющую улыбку, пробрал холодный пот. Он подумал: как легко и быстро его разоблачили! Тимофей прекрасно понимал, сколь опасна его служба. Хоть и жаловало его государство особыми преимуществами, к примеру, порой разрешало вывозить с Руси хлеб, что запрещалось обычным купцам, Выходец никогда не стал бы заниматься разведкой, не будь он российским патриотом. Не стоила выгода от продажи хлеба такого риска: каждый вояж разведчика за границу мог закончиться провалом и мучительной смертью. Тимофей обычно успокаивал себя тем, что мало кто может знать о его истинных целях, а нередко во время зарубежных поездок он ничего противозаконного и не делает. И вот слова Марии напомнили, что ходит он по чужой земле, словно по тонкой кромке льда перед прорубью.

«Ишь, вел себя словно в Пскове!» – корил себя купец за то, что сблизился с чужеземкой. Вспомнился псковский батюшка, которому он исповедовался в церкви, его укоризненный взгляд. Мудрый поп внушал: «Ты Тимофей в Ливонии и в Выборге не греши. Пойми, женки тамошние в страсти неразумны. Раз-два и отцом станешь, сам того не зная. Коли наша псковитянка немецкому купцу отдастся, то и не грех вовсе – иноземные купцы оттого на Русь охотнее ездить будут, а коли тяжела станет – государству прибыток. А ты сыном обзаведешься, его немка в ереси воспитает, он потом, чего доброго, на нас же войной пойдет

и православных убивать будет». Не прислушался тогда к словам мудрого батюшки Тимофей, оправдывал себя тем, что раз он ради Руси православной жизнью рискует, то мелкие грешки простительны, да и нельзя всё время в одном напряжении жить! Грешил. Но не в связи с рождением ребенка, а совсем с другой стороны пришла беда. И что теперь делать? А непонятно что! Неясно даже, что на самом деле нужно от него этой женщине – красивой, хладнокровной, страстной и столь проницательной?

Тимофей Выходец решил рискнуть и попытаться договориться со своей любовницей:

– Можешь не сомневаться, московский царь щедро платит верным слугам своим.

Неожиданно у женщины вырвалось:

– Мне не нужны его деньги! Разве ради денег я, русская, готова помогать русским людям?!

Глядя на очаровательную, взволнованную рижанку, чья грудь вздымалась под изящным корсажем, Тимофей перестал что-либо понимать. О чем это она?! Что это значит и чего она хочет на самом деле?! Вдруг давно служит бургграфу Никлаусу Экку и специально открыла подворье, где останавливаются русские торговцы, чтобы следить за ними?

– О чем ты говоришь, немка?

И вновь любовница ошарашила Тимофея Выходца:

– Нет, Тимотеус, я не немка. Я последняя русская в этом городе!

– Как так?

– Когда-то в Риге жило немало русских, Тимофей, – неожиданно перешла на русский красивая рижанка.

Говорила она с трудом, с сильным акцентом, но Тимофей все же мог понять ее. Впрочем, он понимал слова, но не понимал пока их смысла. А то, что Мария знает

русский, еще больше встревожило его – именно такую женщину, красивую и знающую язык, могли приставить следить за русскими купцами.

Видя недоумение любимого мужчины, Мария стала торопливо объяснять по-русски, почему считает себя его соотечественницей. Тимофей не совсем вежливо прервал ее:

– Говори лучше по-немецки. Ведь тебе, немке, так легче.

– Пойми, Тимотеус, русские жили в этом городе сотни лет. Ты не можешь этого знать, а мой отец рассказывал мне, что здесь была православная церковь, названная в честь святого Николая. Мой прадед был одним из создателей цеха русских розничных торговцев – тогда в городе существовал даже русский цех! Если бы ты, Тимотеус, приехал в Ригу лет шестьдесят назад, тебя непременно встретил бы у ворот русский торговец и предложил бы квас со льдом!

– Про то, что в Риге была православная церковь, мне ведомо, – возразил Выходец. – Но я думал, что ее построили для нужд приезжавших в Ригу русских купцов.

– Нет, Тимофей, она нужна была для русских рижан. Католики терпимо относились к ее существованию. Но вот рижские немцы стали лютеранами. И после этого они не захотели терпеть в городе русскую церковь. Ее закрыли. Через несколько лет царь Иван Грозный начал войну с Ливонией. Русским в Риге стало еще хуже. Некоторые из них покинули город, а некоторые стали… немцами. Они ведь и раньше говорили по-немецки уже даже лучше, чем по-русски, большинство имели немецкие имена. Ведь не одно поколение жило среди немцев. Так что достаточно было всего лишь забыть, что ты русский, и человек превращался в немца.

Мои отец и мать умерли во время мора от болезни, когда я была еще девочкой. Меня воспитывала сестра моей матери и ее муж – немец. Они никогда не называли меня Машей, а только Марией. Я выросла, вышла замуж за немца… Он тоже умер. Мой отец давно забыт, все считают меня немкой, и я никогда никому не раскрываю своей тайны. Много лет я ни с кем не говорила по-русски, чтобы в Риге меня не считали чужой. Со временем я поняла, что моя родина здесь: я не могу отречься от лютеранской веры, веду себя как немка, и в Московии все будут считать меня чужой. Но я не забыла, кто я. Именно потому

меня так тянуло к тебе, Тимотеус, потому я позволила себе всё, что ты желал. И я готова помогать тебе, Тимотеус!

Тимофей Выходец был потрясен этой исповедью красивой и умной женщины. Подумал с грустью, как должно быть непросто ей в Риге. Почему-то стало зябко, показалось, что на улице холодно, будто осень. А Машу ему захотелось крепко обнять и прижать к себе. Словно угадывая его потаенные желания, хозяйка постоялого двора сказала:

– Я разожгу очаг, а потом постелю нам постель… А ты пока выпей доброго немецкого шнапса.

В ту ночь Тимофей нежно ласкал Марию, до самого утра утоляя все её потаенные желания, и впервые назвал ее в постели Машей. Сказочно прекрасная пани Комарская полностью вылетела у него из головы, так же как и мысль о том, что его любовница может служить бургграфу Экку. Мария же в ту ночь самозабвенно, с доселе еще невиданной страстью отдавалась приезжему молодцу, нисколько не думая о последствиях их любви…

Когда Тимотеус еще спал, женщина тихонько встала, проворно оделась и вышла из комнаты…

* * *

– До чего же холодно стало! – пожаловался бургомистр Никлаус Экк своей собеседнице и шпионке.

Он громко кликнул слугу, подождал, пока тот примчится, и повелел ему затопить камин. Пока тот старательно укладывал дрова, разжигал огонь, самый могущественный человек Риги сидел в молчании. Слуга попытался угадать желание своего хозяина:

– Не принести ли рюмку шнапса, она поможет согреться в такую холодную погоду.

– Ты же знаешь, я нечасто пью этот напиток. Лучше надень на меня мои теплые сапоги, чтобы не мерзли ноги.

Лишь только после того, как камин стал согревать гостиную, на ногах пожилого бургомистра вместо летних башмаков оказалась зимняя обувь, а слуга удалился, хозяин дома вновь обратил внимание на свою посетительницу. Улыбнулся, поощрительно хлопнув ее по полноватому бедру.

– Ты сегодня хороша, – польстил женщине бургомистр. – Это приятно, мои осведомительницы должны быть не только умны, но и красивы. В этом городе ко мне должно иметь отношение все самое лучшее в нем.

Женщина кокетливо улыбнулась. Она знала, что Никлаус Экк, повелевший ей следить за клиентами, особенно, когда они выпьют и станут болтливы, сам хоть и был весьма пожилым человеком, но еще не утратил интереса к женщинам. Она встала так, чтобы отсвет от камина падал на нее и самый богатый рижанин мог разглядеть ее получше. Вдова подумала, вдруг эта холодная ночь принесет ей счастье.

Никлаус Экк оставался невозмутим. Он спокойно встал и не торопясь передвинул свое кресло к камину. Экк понимал, что сейчас ему достаточно намекнуть и осведомительница проявит готовность услаждать его хоть прямо на лежавшим посреди этой гостиной дорогом персидском ковре. Но Никлаус Экк хотел в ту ночь просто погреться у камина. Кроме того, мудрый бургомистр прекрасно понимал, что пятнадцатитысячная Рига маленький город, где все знают все обо всем. Он не желал прослыть развратником. А главное, опытный человек понимал: глупо смешивать деловое и личное, вовсе незачем превращать отличную осведомительницу в отнюдь не самую красивую любовницу.
А польстил он вдове, которую на самом деле вовсе не считал прекрасной, лишь потому, что комплимент ему ничего не стоил. Толковый руководитель знал, когда надо запугать подчиненного, а когда, наоборот, похвалить без серьезной на то причины. Он дал собеседнице слабую надежду на роман с собой, богатым и влиятельным, показал, что оценил ее как женщину, и теперь получившая надежду и почувствовавшая уважение к себе вдова станет значительно лучше служить ему.

Он посмотрел на свою собеседницу и ласково улыбнулся:

– Итак, мы остановились на роли в этом деле моего родственника Генриха Флягеля.

– Да, да, – торопливо подтвердила женщина то, что было и так очевидно.

«А ведь нелегко живут вдовы в этом городе, – подумал вдруг Никлаус Экк. – Мужчины гибнут на войне, в путешествиях, в драках, по разным причинам умирают после обильных возлияний. Их остается меньше, чем женщин. Если у вдовы есть дети, то у нее очень мало шансов вновь выйти замуж – женихи смотрят на более молодых и бездетных. А внебрачные связи лютеранская церковь резко осуждает. И живут вдовы словно монашенки. А ведь находятся люди, желающие ликвидировать привилегию вдов открывать корчмы. Но вот этого я не позволю. Я не святой, порой не раз путал городские деньги и свой карман. Но еще семь лет назад открыл конвент для вдов, где у них есть жилье и питание, когда они не имеют никаких доходов. И не за счет города открыл, а за свои же, прямо скажем, наворованные деньги. Да, забрал их у города себе, но для самой благой цели. Еще неизвестно, на что потратил бы средства магистрат, а я направил их на благородное дело. И лишить вдов права открывать корчму тоже никому не дам».

Женщина смотрела на бургомистра и гадала: а чего он смолк, чего хочет? После паузы, вызванной раздумьями о вдовьих судьбах, Экк продолжил разговор:

– Так, значит, иезуит насторожился, когда увидел Генриха Флягеля?

– Да, и внимательно смотрел, куда он идет.

– А больше в тот дом никто не заходил?

– Нет, но вышел слуга и куда-то поспешил, словно на ночь глядя его вдруг послали по важному делу…

– Какая до странности холодная ночь, – неожиданно пожаловался Никлаус Экк неизвестно кому. – Что же происходит?

– В самом деле, что? – задумчиво произнес третий из собеседников.

Был он флегматичным, вежливым, но когда в упор смотрел на корчмарку своими бесстрастными глазами, та с трудом сдерживала тревогу. Летней, но отнюдь не теплой ночью у Никлауса Экка гостил городской палач Мартин Гуклевен.

– Загадки загадками, а дело делом. Я принес очередной счет.

Никлаус Экк поежился от холода, вздохнул. Сообразил, что есть вещи, которые не стоит слышать вдове-корчмарке.

– Ты можешь идти, – кивнул бургомистр даме.

Подождал, пока слуга отведет ее к выходу. Затем, взяв написанную палачом бумагу, он начал читать:

«Достопочтимый, мудрый и милостивый государь! С Пасхи по сей день 1599 года мне причитается за следующее…»

Не удивляйтесь, читатель, рижские палачи в то время вынуждены были беспокоиться о зарплате. В сохранившемся с XVI столетия и по сей день в рижском архиве подлинном документе Мартин Гуклевен просил одну рижскую марку за выворачивание членов вору, четыре марки – за наказание двух нечестных судебных служителей, шесть рижских марок – за казнь большим мечом опасного преступника. Палач, в сущности, не был жаден и, добросовестно делая преступников и подозреваемых инвалидами или лишая их жизни, потом не просил за свою работу лишнего. За что его и ценил бургомистр – счета палача Мартина Гуклевена можно было не проверять.

– Завтра пойдешь к городскому казначею, получишь деньги, – пообещал он. Взял в руку перо, окунул в чернильницу и написал на бумаге: «Оплатить».

– Но что все-таки происходит? – спросил палач.

– Я, конечно, не знаю всего. Но, думаю, русский царь снова заинтересовался Ригой.

– Так не пора ли передать Генриха Флягеля в мои руки? – невозмутимо спросил палач. – Право же, у меня есть средства, чтобы узнать от него все секреты.

– Пытать Флягеля и поссориться с его хозяином – могущественным русским царем?! Нет, Мартин, если мы неизмеримо слабее русского царя, польского короля или шведского герцога Карла, то мы просто обязаны быть мудрее. Я еще

не знаю всего, но чувствую, что Рига может извлечь выгоду из этой ситуации. Что нам, рижским немцам, до интересов германского императора, польского короля или шведского герцога?! Воспетая в поэме Базилием Плинием Рига – вот наше Отечество, о преуспевании которого я готов заботиться неустанно. Рига выиграет только в том случае, если нас будут считать друзьями и русский царь, и польский король. И я уже предполагаю, что надо делать! А вообще, меня больше, чем короли и принцы, беспокоят иезуиты. Эти святоши явно что-то затевают!

Глава 5. Бурная ночь пани Комарской

За Вандой Комарской по солнечной поляне, вокруг которой стоял густой лес, гнался огромный волк. Пани Ванда выстрелила в него из пистолета, но почему-то промахнулась. Она почувствовала ужас и недоумение: с такого расстояния она не должна была стрелять мимо. А теперь волку оставался до нее буквально один прыжок. Шляхтянка видела, как ее слуги Яцек и Марек схватили с телеги мушкет, и… стали недоуменно смотреть на него. Они не знали, как зарядить оружие. «Зачем я, дура, отправилась в эту поездку?!» – с отчаянием подумала Ванда.

Волк прыгнул. В последний момент красавица шляхтянка схватилась за ветвь большого дерева, с неожиданной для себя силой подтянулась, и забралась наверх. Ей было стыдно, ведь когда она подтягивалась, юбка задралась, и Марек с Яцеком могли (стыд-то какой!) видеть ее голые колени.

Волк продолжал скалиться и щелкать зубами. Прыгнул, чуть-чуть не достав до нее. Пани Ванда от ужаса забыла о сабле, висевшей у нее на боку. Она увидела, что Марек, взяв с телеги топор, начал осторожно подбираться к зверю. Волк повернулся, рыкнул, и Марек трусливо замер на месте.

От страха красавице очень захотелось справить нужду. Она разозлилась и насмешливо сказала волку:

– Хочешь, чтобы я на тебя сверху пописала?

Волк внезапно ответил ей человеческим голосом:

– Что я, по-твоему, извращенец? Я есть хочу! А ты кто?

– Я путник.

– Неправда, – злорадно ответил волк. – Это я – путник. А ты – ужин путника.

Зверюга прыгнула, и ее пасть щелкнула буквально в сантиметре от бедра молодой женщины. Ванде снова стало очень страшно…

Проснулась шляхтянка от того, что ее разбудил какой-то странный звук. В полутьме Ванда сначала не поняла, что именно разбудило ее. Зато увидела, что огонь в костре, который должен был поддерживать ее слуга Яцек, потух. «Заснул, разгильдяй! – сердито подумала шляхтянка. – А вдруг появились бы волки? Утром непременно накажу его».

Обоз из двух телег (немного товара было в маленьком имении Комарских) расположился на ночь в лесу, рядом с местечком Огер. Совсем немного не доехала до Огера пани Комарская. Вдали даже виднелись огни. Но ночь была безлунной, темнота такой, что продвигаться дальше было невозможно. Пришлось разжигать огонь, ужинать запасенными в имении сухарями и салом. А для сладкоежки Ванды была припасена деревянная кружка с медом. И спать пани Комарская легла на телегу, можно сказать, с удобствами – для нее были взяты достаточное количество соломы и маленькая подушка. Яцек и Марек, сменяя друг друга, должны были либо спать под телегой, либо дежурить у костра.

И вот пани Комарская проснулась безлунной ночью. Странный звук не прекращался, был похож на какой-то стук. Но главное было не в этом: пани Ванда вдруг поняла, что очень сильно замерзла. Холодно было так, словно это не летняя, а осенняя ночь.

Шляхтянка обнаружила также, что и в самом деле хочет по нужде. Осторожно встала, не желая будить слуг раньше времени. Порадовалась, что мудро не сняла вечером сапоги, хоть и непривычно было в них спать. Пока шла к ближайшим кустикам, думала только о том, как бы не споткнуться в темноте. Вернувшись, обнаружила, что стук не прекратился. Подошла к Яцеку, чтобы

разбудить его, и поняла: молодой парень, в сущности, еще мальчик, за день утомился настолько, что спал, несмотря на ночной холод, а замерз настолько, что во сне стал стучать зубами. Вся злость куда-то исчезла, никакого желания наказывать Яцека больше не было.

Она энергично потрясла юношу за плечо. Тот проснулся, понял свою вину, упал перед госпожой на колени и замер в ожидании удара. Яцек знал, пан Комарский за такое самолично влепил бы пару плетей. Благородная пани почему-то поступила совершенно иначе. Она взяла его за плечи своими прекрасными руками и потащила вверх, командуя: «Двигаться, двигаться!»

Видя, что он не слушается команды, шляхтянка с отчаянием сказала:

– Совсем замерзнешь ведь, дурень! Двигайся, разжигай костер!

Пока Яцек заботился о костре, она полезла под телегу будить Марека. Здоровенный мужик спросонок, почувствовав рядом с собой женское тело, пробормотал: «Ты, Гундега?» – и чуть не облапил ее. От души дав ему кулачком по лбу, шляхтянка крикнула: «Встать! Двигаться! К костру быстро!»

Они грелись у костра, почти подставляя под огонь руки и лицо. Вдруг пани Ванда поднялась и пошла к телеге.

– Госпожа! – крикнул ей вслед Яцек. – Умоляю вас, вернитесь, замерзните же.

– Сейчас вернусь.

«Правильно говорил дядя Януш, – фляжка с водкой путнику не помешает». Взяла дорожную фляжку в руки, пока возвращалась к костру, отвинтила крышку, налила в колпачок водку Яцеку, который, судя по всему, замерз сильнее других.

– Пей!

– Как же я могу, господский напиток… – растерянно пробормотал Яцек. – Мы в деревне пьем только бражку.

– Пей! Если ты от холода заболеешь воспалением легких и умрешь, имению будет убыток, пан Комарский выразит мне свое неудовольствие.

Такое объяснение Мареку было понятно. Не объяснять же ему было, что жаль ей просто стало мальчишку, который моложе ее. Этого он бы не понял: что за шляхтянка такая, что из жалости на хлопов водку переводит.

Когда Яцек вернул ей пустой колпачок, Комарская вновь наполнила его и выпила сама, не побрезговав из-за того, что посуды касались губы какого-то хлопа. Налила и дерзкому мужику Мареку. Усмехнулась про себя, думает, не почувствовала, с какой жадностью мужским взглядом смотрит он на нее сзади, когда уверен, что она этот взгляд не видит. Оттого, кстати, и врезала ему под телегой от души, так что утром точно синяк под глазом будет. Откуда такие наглые хлопы берутся?! И ведь наверняка всю работу опять свалил на Яцека, от чего тот и устал так.

– Что делать будем, милостивая пани? – робко спросил Яцек.

Подумав, Ванда ответила:

– Посидим у костра. Спать в такую ночь нельзя, опять замерзнем. А ты, Марек, готовь топор, скоро нам еще дрова понадобятся. Яцек, сходи к телеге за салом и сухарями, хоть поедим, раз спать не придется.

Поели сала, молча посидели у огня. Яцек стал ерзать, затем незаметно встал, осторожно пошел к кустам.

– Куда? – командирским тоном спросила Ванда.

Юноша замялся, покраснел, бессвязно заговорил:

– Милостивая пани, холодно же, вот мне надо…

– Пописать мальчик хочет, – невозмутимо брякнул Марек.

Пани Комарской стало неловко из-за бесцеремонности наглого, хамоватого Марека и из-за собственной глупости. Не могла понять такой простой вещи,

создала неловкую ситуацию. Пусть и для хлопа неловкую. «Нет, Вандочка, не получается из тебя настоящей помещицы, – с иронией подумала она. – Хлопов жалеешь». Видя, что Яцек по-прежнему стоит на месте, дала мальчишке указания:

– Иди уж! Ногу только не сломай в темноте.

Яцек скрылся во тьме. Прошла минута, другая. «Чего это он не возвращается, – подумала Комарская, – живот схватило, что ли?» Вдруг из леса раздался отчаянный юношеский крик. Марек стал растерянно озираться, Ванда вскочила, вытащила из-за пояса пистолет: кто бы ни был, пристрелю! А через долю секунды остолбенела.

Яцек сломя голову бежал к телеге, а за ним на огромной скорости на четырех лапах двигался медведь.

Страха почему-то не было. «Стрелять бесполезно, – хладнокровно подумала Ванда, – из пистолета его не убьешь». На телеге лежал мушкет, но шляхтянка понимала, что не успеет добраться до него и выстрелить. Между тем разъяренный огромный медведь настигал юношу. Тот, чувствуя свой конец, жалобно вскрикнул. Ни минуты не колеблясь, Ванда схватила большой сук, сунула в огонь и с таким импровизированным факелом бросилась к медведю, решительно встала между зверем и впавшим в отчаяние Яцеком, поднесла к морде косолапого горящий сук. В левой руке на всякий случай держала пистоль: «Если что, целюсь зверю в глаз, авось поможет», – решила благородная пани.

Увидев факел, медведь недоуменно остановился, покрутил башкой и стал обходить Ванду и Яцека, продвигаясь к телегам. У «спальни» Ванды неожиданно мгновенным движением медведь протянул лапу, схватил деревянную кружку с недоеденным медом и быстро побежал к лесу в противоположную от путников в сторону.

– Ах ты воришка! – расхохоталась пани Комарская. В этот момент веселая, смелая, стройная, она была прекрасна, как лесная фея.

– Как вы так, вельможная пани? – жалобно сказал Марек. – Случись с вами что, ни мне, ни Яцеку все равно не жить, пан Комарский бы нам головы поотрывал!

– И правильно бы сделал, – огрызнулась Ванда. – Сам не мог мальчика защитить, теперь молчи, дурак!

Спасенный пани Комарской Яцек молчал и лишь с восхищением смотрел на нее. А затем неожиданно упал на колени и, словно шляхтич, поцеловал краешек ее юбки.

– Отныне я всецело ваш, Богом клянусь!

Ванда чуть было не сказала: «А ты и так мой, хлоп. Захочу выпорю, захочу – продам, а на вырученные деньги конфет накуплю». Но поняла Ванда, нельзя такое сейчас мальчику говорить. Подумала: «Шуточки у тебя, Вандочка, становятся, как у старого сержанта». Потребовала:

– Встань с колен, а то портки испачкаешь!

Видя, как застеснялся Яцек, чувствуя, что испортила торжественность момента, улыбнулась мальчику и сказала ласково, как старшая сестра:

– Ты переволновался, Яцек, выпей и успокойся.

Продолжая улыбаться парню, от чего тот стал смотреть на нее с еще большим восхищением, она потянулась за фляжкой с водкой, налила ему спиртного в колпачок.

– Я уже успокоился, вельможная пани.

– Выпей, говорю! – произнесла красавица командным голосом.

Яцек тут же выполнил волю помещицы. А она пошла к телеге, взяла мушкет и подсела к костру.

После второй порции спиртного Яцек стал словоохотлив, сидя у костра рассказывал Мареку:

– Когда я в лес пошел, там был малинник. Я уже собрался обратно идти, вдруг вижу: большие ягоды малины. Я решил полакомиться. Взял одну ягоду, другую, чуть ветви раздвинул… Матка Бозка! С другой стороны куста медведь малину ест. Большой такой. Ну, я от страха и закричал.

– А вот кричать не надо было. Ушел бы тихо, может быть, медведь и не погнался бы за тобой, – с умным видом поучал Марек.

«Дать ему, что ли, по второму глазу, – с ленцой подумала Ванда. – Для гармонии, чтоб фингал под каждым глазом был». Вставать, впрочем, не хотелось, драться – тем более. Она согрелась, ощущала какую-то вялость. Вспомнила свой сон и подумала: «Что за ночка: то волк снится, то медведь – наяву прибегает! Непонятно, откуда этот косолапый взялся? Говорят, лет десять никто медведей в наших лесах не видел. А мне придется теперь обходиться утром без меда».

У Ванды стали слипаться глаза. Подумав, она вдруг встала.

– Милостивая пани, куда вы? – встревожился Марек. – Пан Комарский, случись что, нас с Яцеком на кол посадит. Смилуйтесь, будьте осторожны!

Пани Комарская равнодушно посмотрела на него.

– Я устала, спать хочу.

– А может, вы прямо здесь, у костра? – предложил Яцек.

– Еще чего! Яцек, ты устал, переволновался, разрешаю тебе поспать под телегой. А ты, Марек, стереги костер и карауль, не придет ли сюда еще какой зверь. И дров в костер подкладывай. Заснешь, быдло, я тебя утром кнутом так запорю, что если жив останешься, то неделю сидеть не сможешь. Понял?

– Все понял, вельможная пани! – Марек понял, что помещица отчего-то очень зла на него и теперь надо четко выполнять все ее указания, чтобы заслужить прощение пани Комарской.

Ванда, сытая, сонная, легла на солому, подложила поудобнее под голову подушку и перед тем, как заснуть, подумала о том, с каким восхищением

смотрел на нее лежавший под телегой Яцек. «А ведь мальчик влюбился». И вдруг с неимоверным удивлением давно не спавшая с мужчиной молодая женщина обнаружила в своей голове непристойную мысль: «Затащить бы его на телегу, лишить невинности, вот это он бы на самом деле запомнил на всю жизнь!» Удивилась, но тащить Яцека наверх и не подумала: во-первых, хотелось спать, а не миловаться с кем-либо, во-вторых, мерзкий Марек вполне мог донести о происшедшем пану Комарскому, в-третьих, Ванда была в конце концов, не блудницей, а замужней женщиной, обязанной хранить верность мужу. Но внутренний голос внутри ее цинично констатировал: «Что-то тебя, Вандочка, на молоденьких потянуло. И чего это ты думаешь не о таком достойном человеке, как пан Комарский, а о каком-то хлопе?» Даже сама себе красавица Ванда не была готова признаться, что ее брак не удался.

Впрочем, долго думать о мужчинах перед рассветом, когда сон наиболее сладок, было глупо. Через минуту пани Комарская уже спала…

Глава 6. Слуга трех господ

Ранним утром принц Густав выехал из Риги и вместе с сопровождавшими его всадниками торопливо направился в сторону эстляндской границы. Свита его высочества была невелика: шведский дворянин Аксель Тролле, которого Густав назвал гофмейстером своего двора; авантюрист Яков Скульт и брат московского врача Каспара Фидлера, Фридрих Фидлер. Кстати, Фридрих рассчитывал, что, попав в Москву, получит покровительство не столько со стороны принца, сколько со стороны своего брата-доктора, общавшегося непосредственно с государем всея Руси.

Так как карета или повозка по плохой дороге передвигается медленно и это задерживало бы путников, отважная Катарина Котор ехала, как и все остальные, верхом. Конечно, изнеженной горожанке было нелегко весь день проводить в седле. К тому же кавалькада скакала с немалой скоростью – принц явно спешил. Лишь душевная стойкость Катарины давала шанс на то, что она выдержит это путешествие.

К вечеру путники были уже далеко от Риги. Их глазам открывался прекрасный пейзаж: слева от дороги – песчаные дюны и море, справа – красивый сосновый

лес. Но красоты природы не радовали Катарину. Лес казался горожанке мрачным и полным опасностей, с моря дул ледяной ветер, пронизывающий до костей.

– Что за осенний холод? – недоуменно спросил Фридрих Фидлер. – Неужели мы и в самом деле движемся к стране гипербореев, где даже летом идет снег?

Поясним, читатель: путникам очень не повезло! Они отправились в дорогу в тот день, который стал предвестником великого похолодания. 1601 год изумит Восточную Европу – летом наступит стужа, а в России в августе пойдет снег, и мороз погубит весь урожай.

Повторим, холодный день лета 1559 года стал лишь предвестником великих природных катаклизмов. Но и он создал для выехавших из Риги большие трудности.

Опытный путешественник Аксель Тролле обратился к принцу:

– Ваше высочество! Нам стоит отправиться к ближайшему жилью или разжечь большой костер. Госпожа Котор больше не может терпеть этот холод. Мало того что предыдущая ночь выдалась очень холодной для лета, сейчас кажется, что давно наступила осень.

– Нет! – возразила гордая Катарина. – Раз мы спешим, надо ехать, пока совсем не стемнеет.

– Я врач, – возразил ей принц. – Я знаю, что случается на таком холоде.

Повысив голос, чтобы его слова звучали убедительнее, принц Густав пояснил:

– Ты окончательно замерзнешь, заболеешь, тебя станет бить лихорадка, и мы несколько недель не сможем сдвинуться с места.

Внезапно из чащи прозвучал мужской голос:

– Позвольте предложить даме отличный лифляндский напиток для сугрева.

Из-за деревьев неожиданно выехал всадник лет сорока, в шляпе с пышным плюмажем и в блестевших в лучах заходившего солнца латах. Следом за незнакомцем из леса выехала целая группа рейтар в металлических шлемах с пистолетами и палашами за поясом.

– Раз, два, три, четыре, пять… – еле слышно считала Катарина. – Ах, боже мой!

Отряд насчитывал добрых два десятка всадников. Красавица осознала, что, в сущности, находится в полной власти несколько развязно предложившего ей горячительный напиток господина.

Путники реагировали на появление рейтар по-разному. Аксель Тролле незаметно положил руку на эфес шпаги. Фридрих Фидлер подумывал, не удастся ли удрать. Принц Густав властно спросил:

– Кто вы, сударь?

– Конрад Буссов, офицер на службе польского короля к вашим услугам!

Нельзя сказать, что эти слова успокоили Густава. Напротив, он стал задаваться вопросами: «Что нужно польскому отряду? Вдруг Его Величеству Сигизмунду, моему двоюродному братцу, все известно?»

Конрад Буссов между тем укоризненно покачал головой:

– Ах, молодежь, молодежь! Вечно вы пускаетесь в путь без необходимых припасов.

На поясе у офицера висела серебряная фляга. Конрад Буссов снял ее с пояса и учтиво подал даме.

– Отхлебните, сударыня! Право же, в такую погоду не стоит пренебрегать лучшим в мире средством для согревания – шнапсом Задвинского герцогства. Я родился в Германии, некоторое время жил в Польше, но такого отменного шнапса не пил нигде, – сообщил словоохотливый Буссов.

– Так вы не причините мне зла? – спросила Катарина, все еще напуганная внезапным появлением на пустынной дороге целого отряда.

– Милая, у меня в Риге жена и дочь твоих лет. Разве же я, офицер и дворянин, похож на разбойника, причиняющего дамам зло на большой дороге?

Катарина, успокоенная, отхлебнула из фляги шнапса. Буссов тут же протянул сосуд принцу Густаву:

– Позвольте угостить, ваше высочество.

Чем спокойнее становилась Катарина, тем больше тревожился принц. То, что незнакомец знал его титул, выглядело чрезвычайно подозрительным. Впрочем, внешне Густав оставался спокоен. Скандинав залпом выпил водку и сделал комплимент владельцу фляги:

– Да вы опытный путешественник, господин Буссов.

Офицер угостил шнапсом и Акселя Тролле. Скульту не предложил, чем обидел придворного.

– Пожалуй, нам пора в путь, – сказал принц Густав.

– Вам разумнее всего последовать за мной, – неожиданно заявил офицер и повернул коня к лесу.

Шпага мгновенно оказалась в руке принца.

– Объяснитесь, сударь!

– Совсем неподалеку отсюда находится большой хутор. Там есть дрова, пища и места хватит всем.

– Поехали, милый! Я и в самом деле очень замерзла, – попросила любимого Катарина.

Пока принц колебался, Аксель Тролле решительно повернул коня и двинулся в глубь леса. Гофмейстер принца прекрасно понимал: замысли офицер что-то недоброе, он мог бы без всяких уговоров применить насилие. А значит, нет никакого смысла противиться его совету.

Принц Густав решился и тоже направился вслед за Тролле. Его конь в полумраке двигался по тропинке, которую молодой швед и видел-то с трудом. Внезапно его путь осветил факел, заботливо зажженный Конрадом Буссовом. Офицер приободрил принца:

– Не тревожьтесь, ваше высочество, в этом лесу не бывает волков и других опасных зверей.

Про хутор офицер сказал чистую правду: буквально через несколько минут Густав уже сидел в крестьянском доме, а хозяин хутора хлопотал, наливая в кружки парное молоко, раскладывая по тарелкам копченую салаку. Супруга хлебосольного хуторянина торопливо чистила и мелко нарезала овощи. Конрад Буссов на незнакомом языке о чем-то сердито спросил хуторянина. Выслушал его ответ и, видя, что принц заинтересовался разговором, пояснил:

– Ваше высочество, этот холоп просит прощения за столь скудный стол. Говорит, что никак не мог ожидать приезда таких важных господ.

Хуторянин с удивлением смотрел, как Густав с аппетитом пил молоко, уплетал за обе щеки плебейскую еду – черный хлеб с салакой и салат из дешевых овощей, а окружающие почтительно называли его принцем. Было видно, что Конрад Буссов плебейской едой брезгует: съел пару кусочков хлеба, выпил молока, потребовал еще. Хозяин дома налил ему полную кружку, поклонился, что-то сказал, показывая пальцем на салаку.

Катарина вопросительно посмотрела на Буссова.

– Что это за язык?

– Местный, латышский. На нем в этом краю говорят крестьяне.

– А что он сказал?

– Похвастался, что еще вчера эта салака плавала в море. Разве она от этого вкуснее?! Самая дешевая рыба. В Риге о нищих говорят «едоки салаки». Надеюсь, завтра нам перепадет на ужин что-нибудь повкуснее.

Густав с тревогой обратил внимание на слово «нам». Офицер явно исходил из того, что следующий вечер они также проведут вместе. Фаворитка принца ничего не заметила. Ее заинтересовало то, что собеседник сказал про салаку.

– А по мне – неплохая рыба, – возразила Катарина. – А то, что она еще вчера плавала в море – просто чудо какое-то.

Жительница Данцига была в тот вечер столь обаятельна, что офицер не стал спорить о вкусовых качествах рыбы. Возразил лишь относительно слегка экзальтированных ее слов про чудо.

– Какое же это чудо? Сегодня ранним утром выловили, к обеду закоптили. Не забывайте, море в ста метрах от нас. А что касается чудес, то в этой стране я и в самом деле видел их немало.

– Например? – тут же заинтересовалась Катарина.

– Год назад я был послан с поручением в замок Нойенбург. Там живет Матиас фон дер Рекке, сын комтура Добельского замка Тиса фон дер Рекке. Та еще семейка, скажу я вам! Когда Ливонский орден распался и первый герцог Курляндский Готхард Кетлер боролся за власть, он пообещал фон дер Рекке за поддержку несколько округов в собственность. Но вот герцог укрепился на престоле и не стал выполнять свое обещание. Еще бы – пообещал-то он в собственность комтуру Добельского замка чуть ли не полгерцогства. И тогда фон дер Рекке объявил его светлости войну и сражался почти десять лет. Хотя и отвоевал только Яунпилский округ.

Так вот, собственно, о чудесах. Когда я приехал к барону Матиасу, была непогода, собирался дождь, я замерз. Фон дер Рекке пригласил меня в какую-то комнату, причем его младший брат почему-то ухмылялся. Барон учтиво угощал меня рейнским вином, спрашивал, как я доехал. За окном хлынул ливень. Вдруг я услышал какой-то противный вой. Я подошел к окну второго этажа и обнаружил за ним черта! Мне стало не по себе. Я перекрестился, а фон дер Рекке громко захохотал. Мне стало страшно, вспомнилось, что местные

крестьяне уверяют, будто их помещик связан с чертом. «Успокойтесь, – улыбнулся довольный барон фон дер Рекке, – это же водосток». Оказалось, барон специально сделал водосток в виде фигуры черта. Дело в том, что в этой комнате жил его младший брат. Братец барона вел нелегкую борьбу со скукой. Сам фон дер Рекке управлял имением, а его родственник не знал, чем себя занять. В хорошую погоду он охотился, а в дождь пристрастился к выпивке. И вот барон велел сделать водосток в виде черта, причем в ливень чертик противно выл, мешая обитателю комнаты наслаждаться вином. И тот бросил пить – вот настоящее чудо!

– А почему крестьяне считают, будто помещик связан с чертом?

– О, господин барон – большой шутник. Он купил нидерландскую подзорную трубу, осматривает с крыши замка окрестности и видит, кто чем занимается. А крестьяне не могут понять, откуда барону всё известно, и решили – черт нашептывает. Одна из шуточек барона плохо кончилась. В полдень он увидел как холопка, которой поручено было скосить сено на лугу, вместо работы прямо в стогу стала миловаться с любимым парнем, думая, что их никто не видит. А барон понаблюдал, и, видно, девушка была хорошенькая, тоже захотел ее. Вызвал к себе и, чтобы та была сговорчивее, решил сначала обратить внимание на ее вину. Взял в руки кнут, щелкнул им об пол и грозно спросил: «Ты почему в полдень голая отдавалась на сене Янке вместо того, чтобы работать?! Думаешь, если у тебя большое родимое пятно на левой груди, так уж и от сенокоса отлынивать можно?» После этих слов с легкомысленной девицей случился сердечный приступ. Она заплетающимся языком прошептала: «Это вам черт сообщил?» – и упала замертво.

Катарина с интересом слушала говорливого Конрада. Принц Густав и сам не мог не признать, что офицер – прекрасный рассказчик. Но то, что Буссов уделял Катарине так много внимания, не радовало молодого шведа. Его беспокойство нарастало. А Конрад невозмутимо продолжал развлекать разговором жительницу Данцига. Это выглядело естественным делом, ведь офицер, как уже говорилось, ничего не ел.

Наконец, ужин закончился. Конрад Буссов великодушно предоставил дом в распоряжение принца и его немногочисленной свиты. Его рейтары отправились спать в большой сарай. Там же собирался ночевать и сам Буссов. Где будут ночевать хуторянин и его семья, никто не интересовался. Хоть в лесу – это их проблемы!

Перед уходом из помещения офицер вновь снял с пояса фляжку со шнапсом и любезно предложил принцу:

– По глоточку, чтобы лучше спалось? Завтра нам ведь лучше рано встать.

Принц проигнорировал угощение:

– Куда вы направляетесь, офицер?

– Туда же, видимо, куда и вы, ваше высочество. Здесь только одна дорога, и она ведет в Эстляндию. Думаю, лучше мне было бы сопровождать вас.

– Почему же?

– Ох, ваше высочество, вы, кажется, не понимаете, куда едете!

– Как куда?! К матери. После убийства моего отца ее сослали на маленькую мызу в Эстляндии. Живет она чуть ли не в бедности, хотя и сохранила право именоваться Ее Величеством. Какая насмешка!

– Прошу простить, я говорил совсем не об этом, ваше высочество. Вы понимаете, что сейчас происходит в Эстляндии?

– А что там происходит?

– После того как ваш двоюродный брат Сигизмунд, король Польши и Швеции, столь позорно проиграл сражение у Стенгборо вашему дяде герцогу Карлу, вся Швеция оказалась в руках герцога.

– Мне это прекрасно известно.

– Поляки готовы помочь своему королю вернуть его Швецию, но при этом польский сейм планирует присоединить шведскую Эстляндию к Польше.

– И что же?

– Эстляндцы опасаются польского вторжения и не желают власти католиков. Жители Таллина отобрали ключи у шведского коменданта, хранящего верность польскому королю Сигизмунду, и выставили у ворот стражу. Литовских купцов, подданных Речи Посполитой, заставляют уезжать. В Нарве, как рассказывал мне мой приятель бургомистр этого города, все больше горожан задумываются: не поискать ли им покровительства у русского царя?

– Какое мне до этого дело? – попытался увести разговор от опасной темы принц Густав.

– Да вся Эстляндия похожа на пороховую бочку! Может взорваться в любой момент. Поверьте, вооруженный отряд может пригодиться вашему высочеству.

Принц решился поинтересоваться:

– А как вы узнали, кто я, и почему проявляете такую заботу о моей безопасности?

Офицер посмотрел, нет ли кого рядом, увидел, что они одни, и улыбнулся:

– Ваше высочество, вы удивлены такой заботой? Но разве Генрих Флягель не передал вам грамоту, где Государь Всея Руси гарантирует безопасность вашего высочества?

Густав побледнел: всё раскрыто! Сейчас польские рейтары схватят его и отвезут в Варшаву на суд короля. Его, скорее всего, колесуют, Катарину отдадут на поруганье…

Конрад Буссов с почтительной улыбкой продолжил:

– Так что кому, как не мне, заботиться о вашей безопасности здесь? Ведь я – глаза и уши московского монарха в Ливонии. Отныне покорный слуга вашего высочества!

Резидент российской разведки в Ливонии и создатель всех ливонских заговоров в пользу России склонился перед принцем в почтительном поклоне.

Принц опешил:

– Так почему Генрих Флягель ничего не сказал мне о вас?

– Так ведь всем распоряжаюсь я, а не Флягель. И не ему, а мне суждено открывать тайны Вашему Высочеству! А я исхожу из того, что никто не должен знать сверх необходимого. Кстати, как вы собирались бежать из пограничной Нарвы в русский Ивангород?

– Где-либо у Нарвы незаметно форсировать реку Нарову и оказаться на русском берегу.

– Рискованный план. Река глубока, переправиться без лодки или плота непросто, попытка завладеть плавсредством привлечет внимание… Я предлагаю другой план. Один из членов нарвского магистрата на самом деле служит русскому царю. Он-то и поможет нам попасть на Русь.

Польский офицер и тайный агент русского царя вновь взялся за флягу. На сей раз принц Густав благосклонно кивнул. Конрад Буссов плеснул горячительного напитка себе в кружку, налил в колпачок фляжки водку для принца и почтительно произнес:

– За успех смелого предприятия Вашего Высочества!

Воин и публицист Конрад Буссов явно преувеличил. Его дочь была намного моложе Катарины Котор. – Прим. авторов.

Глава 7. Особая миссия

В пять часов утра в Москве уже кипела жизнь. Телеги с товарами ехали по деревянным мостовым, в Немецкой слободе на реке Яузе немецкие торговцы спешили в свои лавки, стрельцы – мастера на все руки – используя свободное от военной службы время, занимались ремеслами, в государственной литейной у реки Неглинной работные люди отливали новую пушку, на южной окраине города в царском зверинце служитель бросал мясо в клетку со львом,

а неподалеку каменщики достраивали новые городские укрепления с высокими стенами и 27-ю башнями…

Москва поражала приезжих своим размахом: широкие улицы, усадьбы горожан с большими садами, каменные церкви с золотыми куполами…

Думный дьяк Казанского дворца Афанасий Иванович Власьев бывал за границей и мог сравнить усадьбы московских горожан с узкими улочками западных городов, где окна некоторых домов никогда не видели солнца. С точки зрения западных дипломатов двор простого московского плотника или уличного торговца был роскошью, доступной разве что королям, в крайнем случае, герцогам. Ведь в этом доме было невиданное для центра западных городов диво – сад. С тенистыми деревьями, кустами сладкой малины, пением птиц на деревьях. А что уж говорить о разместившейся в саду баньке! На Западе не только не имели такой роскоши у себя дома, но и не стремились иметь. Начальник Афанасия Ивановича по дипломатической линии, думный дьяк Посольского приказа Василий Яковлевич Щелкалов однажды разъяснил Власьеву нелюбовь католиков к баням. Трудоголик и книгочей Василий Щелкалов прочел в старинной книге, будто некогда в Древнем Риме был блуд великий, а язычники – и мужчины, и дамы замужние, и девы невинные – вместе мылись в огромных банях, термами именуемых. И был там разврат. (Афанасий Иванович при этих словах шефа подумал: «Странные какие-то были римские язычники. В банях нормальные люди моются, а грешить удобнее в опочивальне».) Христианская церковь блуд римских язычников осудила. А непопулярными, в результате, стали и сами бани.

С последним Афанасий Власьев должен был согласиться. Будучи в столице Священной Римской империи германской нации, он поразился красоте местных знатных дам. И талии осиные (не то, что у московских толстушек!) и грудь наполовину обнажена, и для лица румян не жалеют, и драгоценностями щедро себя украшают… А раскованны-то, глазками стреляют, будто и не замужем. А уж шутки их пришельцу из скромной Руси казались просто предложением предаться греху. Но вот запах от большинства этих прекрасных австриячек шел такой, что Афанасий Власьев, несмотря на длительное воздержание, случившееся из-за долгого пути, твердо решил хранить верность супруге. Хоть и снилась ему потом одна кокетливая графиня несколько ночей подряд…

Знал думный дьяк и цену, которую платили москвичи за такую роскошь, как собственный двор. На Западе сначала строили город, затем обносили его

крепостной стеной. На Руси все было наоборот: строили Кремль, а вокруг – деревянные домишки. При приближении врага горожане брали все ценное, и спешили под защиту стен Кремля, а их домишки и бани временно становились добычей агрессоров. Афанасий Иванович помнил, как во времена его детства, в царствование Ивана Грозного, крымский хан Девлет-Гирей, воспользовавшись тем, что русская армия была занята Ливонской войной, прорвался к Москве и сжег деревянный город. Москвичи, впрочем, сильно скорбели о погибших, и не очень горько – о потерянной недвижимости: древесина была в то время очень дешева, и за три рубля запросто можно было купить разборный деревянный дом, причем продавец за эту сумму еще и собирал строение в указанном месте…

Так москвичи жили в постоянной опасности до начала правления царя Бориса. Собственно, править Борис начал еще в царствование сына Ивана Грозного, Федора Иоанновича. Тот, человек болезненный и богобоязненный, сам переложил государственные дела на брата своей жены Ирины (в девичестве Годуновой) и целыми днями предавался молитвам. Борис же приучал москвичей к каменному строительству, а чтобы враг не разорял каменных палат, тряхнул государственной мошной и построил вокруг Москвы огромную крепость – Белый город, а потом и гигантский земляной вал. Теперь, прорвавшиеся в 1591 году к Москве ордынцы хана Кази-Гирея, лишь издали взирали на мощные укрепления, не решившись даже приблизиться к ним, и ушли в свои степи, что называется, несолоно хлебавши.

Афанасий Иванович, отправившись в Кремль, пошел пешком, не взяв с собой оружия: с оружием входить в Кремль просто не дозволялось, да и мороки с тем, куда деть коня было бы немало, а от дома думного дьяка до Кремля было недалеко. Вид Афанасий Иванович без оружия имел совсем негрозный, но горделиво шел по деревянному тротуару, а мастеровые и торговцы торопливо уступали ему дорогу: одни узнавали думного дьяка, другие просто видели, сколь богат наряд важного господина.

Афанасий Власьев вышел на Торговую площадь. Некогда торг находился внутри Кремля, но деревянные лавки и будочки нередко горели. Пожары так надоели царю и великому князю Ивану III, что он за сто лет до описываемых событий велел убрать торг из Кремля. И появилась у Кремля площадь, которую в народе поначалу прозвали Пожаром, а затем все же стали именовать Торговой.

И вот теперь на большой площади перед Афанасием Власьевым предстал главный торг страны. Чего здесь только не было! В огромном каменном здании

для торговли имелись ряды: Белильный (для любителей косметики), Мыльный, Шапошный, Голенищный и даже Подошвенный. А как звучали названия «перекрестков» между торговыми рядами, к примеру, Жемчужный перекресток!

В рядах всем торговцам места, конечно же не хватало, и они занимали почти всю площадь палатками, лавками, многие обходились простыми лотками. «А ведь похорошела площадь при царе Борисе, – подумал Афанасий Иванович. – Столь красива, что, быть может, сыновья и внуки наши за красоту станут звать ее Красной».

Впрочем, Кремль был уже близко, и Власьев, отбросив посторонние мысли вновь задумался, из-за чего Царь Всея Руси мог вызвать его к себе? Очевидно, что из-за дел иноземных. Поясним: ведомственные взаимоотношения на Руси со времен Ивана Грозного были весьма запутанны. И сам Афанасий Иванович хоть и числился думным дьяком Казанского приказа, но в Казанском дворце работы имел немного, а будучи опытным дипломатом, больше работал по линии другого приказа – Посольского.

Была среда, день постный, и царь, как добрый христианин, не ел ни мясных, ни рыбных, ни молочных блюд. Потому на завтрак ему подали лишь пирог с капустой, соленые огурчики, заморские орехи двух сортов, курагу, блины с малиновым вареньем на сладкое, да малиновый же квас. Не съев и половины блюд, царь Борис омыл после трапезы руки водой из серебряного рукомойника и к удивлению прислуживавшего ему стольника, направился обратно в опочивальню. Идя по коридору, порадовался, что даже во дворце слышен шум от строительных работ. Ведь именно по его воле в Москве строили все новые каменные здания. На сей раз рядом с царским дворцом в Кремле строилась каменная колокольня высоты невиданной – почти 40 саженей. Назвали ее колокольней Ивана Великого, так как надстраивали ее к церкви Иоанна.

День Государь Всея Руси решил начать напутственной беседой с Афанасием Власьевым, которого он отправлял послом к самому титулованному монарху Европы – императору Рудольфу II, номинальному владыке всей Германии. Афонька Власьев был холопом верным, от него можно было и не скрывать свою слабость. Поэтому тяжелобольной царь и принял его в опочивальне, лежа на постели. Пояснив, куда надлежит отправляться боярину, с горечью пошутил:

– Не считай, что царя с утра с ног водка сбила. Другой недуг к постели тянет.

Афанасий Иванович тактично перевел разговор с такой щекотливой темы, как царево здоровье, на иную:

– Да, великое зло – водка! Читал я недавно сочинение Михаила Литвина о нравах в Западной Руси. Так он пишет, будто всего чаще в городах литовских встречаются мануфактуры, на которых выделываются из жита водка и пиво. Эти напитки литвины берут с собой даже на войну, ибо не могут уже без них жить, а, ежели случится во время войны пить простую воду, так гибнут в судорогах. Как мудро ты сделал, Государь, что решил закрыть кабаки!

Хоть и не любил Борис Годунов лести, а тут улыбнулся, обрадованный, что нашелся еще один союзник в его непримиримой борьбе с пьянством. Развивать тему все же не стал, заговорил о другом:

– Да, много странного творится в Литве. В Полоцке печатают лютеранские книги, уже не только самый влиятельный человек в Литве князь Радзивилл, но и русич, князь Пронский, перешел в лютеранство. И это природный Рюрикович! А вот сын князя Курбского, бежавшего в Литву от царя Ивана Васильевича, – католик.

– Думаю, католики все же одолеют в Литве лютеран, – позволил себе вставить слово Власьев.

– Кто бы ни одолел, будут блюсти свой интерес. Я получил известие: не согласны поляки и литвины пропустить русского посла через свои владения к германскому императору. Через Ливонию тебе тоже не проехать: поляки владеют ею и не пускают послов ни к нам, ни из Москвы. Ты что-то хотел сказать? Молви!

– Государь! – с некоторой растерянностью произнес Власьев. – Чувствовалось, что он колеблется, стоит ли говорить. – Государь, – повторил он.

– Молви!

– Быть может, стоило бы позвать дьяка Посольского приказа Василия Щелкалова. – А то он и знать не будет о целях моей поездки. А не зная, может повести себя не так, как угодно царскому величеству.

Афанасий Иванович и впрямь повел себя довольно дерзко, тем более неподобающе для опытного дипломата: давать совет царю, кто должен присутствовать на беседе! Еще более необычно поступил Борис Годунов. Он пристально посмотрел на Власьева и откровенно сказал:

– Последнее время не доверяю я Щелкалову. При царе Федоре все было хорошо, а как я венчался на царство, чувствую, что-то не то. В чем дело, понять не могу, но и веры ему нет.

После паузы Борис Годунов сказал:

– Говорить об этом никому не надобно, но я не хочу, чтобы Щелкалов знал о нашей беседе. Не хочу. Не стал бы тебе, Афонька, вообще ничего объяснять, да знаю, ты – холоп верный и лишнего не скажешь.

– Не скажу, – охотно подтвердил Власьев. Заметим, что думный дьяк Казанского дворца внешне оставался невозмутим, но ликовал: государь доверял ему настолько, что делился важными тайнами.

– Итак, о твоей поездке к императору…

– Быть может, мне поехать тайно? Сумел же зимой гонец свейского герцога Карла пробраться в Москву через земли, где властвовали верные королю Сигизмунду воеводы? – предложил Власьев.

– Гонец Карл Кранц, – уточнил Государь, – приехал на Русь зимой. И как! Почти тысячу верст один на лыжах крался по лесам тайными тропами. Нет, Афонька, не годится тебе, послу Государя Всея Руси, красться, аки татю. Поедешь через Архангельск морем в немецкую землю. И помни, главное – достичь согласия, что моя дщерь Ксения выйдет замуж за дюка Максимилиана. Если император Рудольф будет колебаться, обещай Максимилиану в удел Великое княжество Тверское. Титулов-то у него много: и дюк, и магистр несуществующего Тевтонского ордена, а землицы с гулькин нос! То-то так на польский трон зарился, пока не разбил его войска гетман Замойский. Император должен рад быть, что родича так пристроит.

– А когда дюк станет царским зятем, не грех будет его царю и императору на польский трон возвести, – мгновенно развил мысль царя Бориса мудрый

Власьев. – Ведь до сих пор никто не может сказать, кто победил при голосовании, когда шляхта избирала польского короля – нынешний монарх Сигизмунд или дюк Максимилиан И всегда можно провозгласить законным королем Максимилиана. А спаситель Сигизмунда гетман Замойский ныне далече…

Польское войско находилось на юге! Еще в 1598 году князь Трансильвании, уставший от турецкой тирании, отрекся от престола в пользу австрийского эрцгерцога. Император тут же договорился с королем Польши и Швеции Сигизмундом: империя перестает поддерживать претензии Максимилиана, а Польша не вмешивается в дела Трансильвании. Привыкший к немецкой дисциплине император Рудольф, так и не смог понять: истинный правитель Польши не король, а соратник покойного короля Стефана Батория, великий коронный гетман Замойский. По его приказу, знаменитая польская гусарская кавалерия двинулась на юг: обеспечивать престол сыну умершего польского короля Стефана – Анджею Баторию. За много лет до описываемых событий трансильванский воевода Стефан был избран королем Польши и обласкал молодого гетмана Замойского. Теперь гетман вел войска, чтобы завоевать престол для сына своего друга. Он легко отбросил австрийские кордоны. Однако вскоре столкнулся с другим великим полководцем: валашским воеводой Михаем Храбрым. Витязь из Бухареста твердо намерен был соединить под своей властью Трансильванию, Валахию, Молдавию и создать самое большое государство на юге Европы – независимую от турок и австрийцев Румынию. Помощь к нему пришла неожиданно: подсобить православному валашскому воеводе поспешили 10 тысяч запорожских казаков. Близилось время решающей битвы…

– Да, много врагов у Сигизмунда, – заметил царь Борис. – Шведский дюк Карл, австрийский – Максимилиан, валашский воевода. Было две короны, а скоро, глянешь, не останется ни одной. Даст Бог, моя Ксения наденет польскую корону!

Борис Годунов на минуту замолчал. Афанасий Власьев почтительно ждал продолжения. А царь думал о великих свершениях: станет дружественной Польша, появится выход к Балтийскому морю, три христианские державы – Россия, Польша и империя Рудольфа II – заключат союз против Турции и освободят от басурманской неволи миллионы христиан – греков, болгар, сербов, молдаван, венгров, валахов. А поганых крымских татар отучат совершать набеги и уводить в рабство русских, поляков, австрийцев. Народ без страха станет селиться на плодородном юге, выращивать хлеб на урожайных землях и никогда более не будет на Руси голода. Царь вспомнил,

как венчался на царство. Тогда он пообещал: «Бог свидетель, что не будет больше в моем царстве бедного человека!». Бояре чуть не рассмеялись ему в лицо: когда это не было на Руси бедных?! Борис и сам понимал несбыточность обещания. Сказал ведь ради красного словца, дабы вызвать любовь народа. Теперь же подумалось: а вдруг?!

Подумалось и о другом. В своем сыне Федоре и дочери Ксении царь просто души не чаял. Все признавали, Федор Годунов статен и не по годам умен, а его старшая сестра Ксения – первая красавица России. Отличалась она не только красотой, но и умом. Иноземные учителя обучали ее музыке, этикету, а сочетание черных, как вороново крыло, волос и темно-карих очей с белизной кожи лица и природным румянцем делало ее в глазах мужчин неотразимой. «Да, дети мои удались, – подумал Борис. – Не потому ли, что делали их с душой, что похожи они на мать? Мать их, царица Мария, и в свои 47 лет еще была хороша. И пусть чуть располнела фигура, все равно Борису и теперь не надобно было другой женщины (а охотниц принимать ласки от царя было, конечно же, множество). Когда он женился, слышал шепот за спиной: «Бориска-то хитер, с семьей главного палача страны породнился, чтобы в почете у царя быть». И невдомек им было, что не родство с главным опричником страны интересовало юного придворного, а то, что Годунов просто влюбился без памяти в черноволосую Марию.

Дочь Малюты Скуратова характером оказалась в отца: так же вспыльчива и строптива. Другой бы взял плеть да поучил стервочку, перед тем, как приласкать. Борис же прощал ей готовность оспорить волю и мнение мужа. А спорили они часто. Мария придерживалась взглядов отца, поддерживала репрессии Ивана Грозного, Борис же считал необходимым вести совсем другую политику. Быть может, то была единственная в Москве семья, где муж и жена ссорились по причинам политическим. Впрочем, днем ссорились, а ночью мирились, в постели Мария была еще более страстной, чем в спорах. И сколько бы он ни доводил ее до экстаза, готова была отдаваться снова и снова. И каждый раз, испытав наслаждение и собираясь с силами для нового, они шептали друг другу, что любят и ни на кого в жизни не променяли бы!

Царь подумал, как меняется жизнь: уже неделю не был он близок с Марией и не считает это ужасным. Впрочем, взял на заметку, вечером надо бы вызвать супругу с женской половины. Конечно, о том, что он вызвал ее к себе, станет известно. Что же, пусть хоть весь двор судачит о том, что царь сделал в постный день, пусть шепчут: «Седина в бороду – бес в ребро!». Его Мария стоит того,

чтобы не обращать внимание на пересуды.

Только решил, что станет делать вечером, как вдруг острая боль в боку прервала приятные мысли царя. Лицо Бориса скривилось. Покорно ожидавший, когда самодержец соизволит вернуться к беседе, Афанасий Иванович озабоченно спросил:

Кликнуть лекаря, Великий Государь?

– Нет. Лучше дослушай. Во-первых, надлежит тебе всюду рассказывать, какую милость я к немецким купцам, живущим в Москве проявил: от налогов освободил, денег на торговлю с Ригой и Любеком дал. Пусть знают, что царь к немцам милостив. Во-первых, раз так, значит, рижан не обидит. А коли решат какие немцы на Русь переселиться – подданных у меня больше станет.
А теперь – о главном. Небось, понял уже, какую плату надобно у императора и дюка Максимилиана за низвержение Сигизмунда просить?

– Как не понять, Государь? Ригу да Лифляндию, чтобы вернуть Руси ее старинные вотчины. Еще царь Иоанн Васильевич себя ливонским государем именовал, потому, как летописи гласят, что еще в далекой древности православные князья на реке Двине дань собирали. Пусть Максимилиан отдает Ливонию тебе, Великий Государь!

– Нет, мне нужна для Руси только Рига. А Лифляндию и Эстляндию должен получить совсем другой монарх. Его воцарению не станет противиться ни народ Ливонии, ни шведский герцог Карл…

Хотя царь и знал, что он говорит с Афонькой наедине, на всякий случай покрутил головой, чтобы посмотреть, нет ли кого вокруг. А затем понизил голос и стал приказывать Афанасию Ивановичу:

– Прежде, чем отправиться в Архангельск, тайно поедешь в крепость Ивангород на границу с Ливонией…

Закончив инструктаж, царь добавил:

– Добьешься того, что я замыслил, встанешь во главе Посольского приказа.

У Афанасия Ивановича аж дух захватило: его, худородного дворянина, Государь Всея Руси собирался сделать одним из самых влиятельных лиц в стране.

По-современному – министр по делам бывшего Казанского ханства. – Прим. авторов.

Так, в то время называлась империя Габсбургов. – Прим. авторов.

81 метр.

Некоторые современные историки выдвинули версию, будто Щелкалов был одним из участников заговора против царя Бориса и помог Григорию Отрепьеву-Лжедмитрию бежать в Польшу. – Прим. авторов.

Прекрасная память была у царя Бориса. Едииножды услышав имя, помнил его годами. – Прим. авторов.

Дюк – эрцгерцог.

Трансильвания была вассалом Порты. – Прим. авторов.

Сами приходить к супругу за мужской лаской, по придворному этикету, царицы не имели права. – Прим. авторов.

Глава 8. На границе

Дом нарвского ратмана Арманда Скрова находился совсем неподалеку от реки Наровы. Из окна второго этажа был хорошо виден ее берег. А с чердака в подзорную трубу можно было увидеть и русскую крепость Ивангород, находившуюся по другую сторону реки. Сразу бросалась в глаза разница между двумя городами. Если в ливонских городах дома строили из камня, то Ивангород был заполнен деревянными домами, большими дворами, где в садах росли яблони и кусты малины, широкими улицами. Что огорчало, если в Нарве у причала разгружался торговый корабль, а еще один, напротив, готовился к отплытию, то пристань перед Ивангородом была пуста – торговля шла через

Нарву.

Принц Густав передал подзорную трубу своей фаворитке Катарине Котор и спросил у члена нарвского магистрата Арманда Скрова:

– Почему русские сами не торгуют с купцами из Европы?

Услышав этот вопрос, красавица Котор скорчила недовольную мину: брови чуть приподнялись, губы сжались, тонкие черты лица посуровели. Женщина подумала про себя: «Боже, о чем это он?! Надо спасать свои головы, думать, как быстрее перебраться на тот берег реки Наровы, а он ведет беседы о торговле! И это в ситуации, когда за нами уже демонстративно следят! Зачем мы вообще полезли на этот чердак, смотреть на Ивангород? Конрад Буссов говорил, что в заговоре по передаче Нарвы в русские руки главный – он, а ратман Скров должен его слушаться. Почему же тогда Скров не докладывает принцу и Буссову о том, каким образом предполагает переправить нас на другой берег? И почему эти придворные – Фридрих Фидлер и Аксель Тролле – смотрят на принца, не скрывая одобрения, вместо того, чтобы обсуждать, как спастись?».

По предложению нарвского ратмана, все его гости поднялись на чердак по деревянной спиралеобразной лестнице. Здесь было очень тесно, так как почти всё помещение было занято мешками с первосортным льном, который купец Скров купил у русских купцов и собирался перепродать немецким корабельщикам. Планировка дома была знакома Катарине по ее родному Данцигу: там купцы также открывали на первом этаже конторы, на втором жили сами, а на чердаках хранили товары, которые поднимали с помощью лебедки в чердачное окошко прямо с телег на мостовой. Островерхие крыши не давали шанса вору забраться на чердак сверху, и купец мог спать спокойно, зная, что его сокровища в полной безопасности.

Дела у Арманда Скрова, видимо, шли хорошо, чердак, как уже говорилось, был полон товара, но именно это на самом деле и не нравилось Катарине. Ведь в помещении было очень тесно, ее грудь упиралась в плечо Акселя Тролле, а сзади она оказалась прижатой к Фридриху Фидлеру столь плотно, что он вполне мог ощущать ее привлекательную пышную попу. От этого опытная в любви Катарина смущалась, как девочка, и с нетерпением ждала, когда же путники уйдут с тесного чердака.

Тем временем Фридрих Фидлер думал не о грозящей путникам опасности, а совсем об ином: «Да, принц подобрал себе достойную любовницу. Даже когда она сердится, то чудо как хороша! И притом, какие манеры! Пусть немного глуповата, зато какой аристократизм у этой мещанки. Непонятно, откуда он взялся. Не иначе, ее мама согрешила со знатным шляхтичем. А что до неглубокого ума, то разве это не прекрасное сочетание: милая и притягательная глупышка? И сколь божественная фигура, сейчас я это хорошо чувствую! Сам бы добивался ее, не опереди меня Его Высочество. Ох, какая божественная попа!». Фридрих Фидлер удивлялся сам себе. Он, познавший немало дам, волновался словно мальчишка-девственник оттого, что мог случайно прижаться к любовнице принца. «Влюбился я впервые в жизни, что ли?» – удивился дворянин.

Отнюдь не о том, как спастись, думал и Аксель Тролле: «Принца никто не учил, как должен вести себя монарх, но у этого претендента на трон Ливонии всё получается как надо. Он демонстрирует замечательное хладнокровие, держится с горделивым спокойствием, интересуется не мелочами, а событиями государственной важности. Интересно, а что ответит ратман на его вопрос?».

– Ваше Высочество! Много лет назад русский царь Иван Третий сделал ошибку. Он хотел торговать с Западом напрямую и построил порт, но не учел, что кроме порта для торговли, требуются купцы, склады и капиталы. В Ивангороде есть только крепость и причал. А у нас имеются склады, где товары из Германии могут лежать и не портиться в ожидании русских купцов. У наших торговцев достаточно денег, чтобы заплатить корабельщикам за товар сразу, а потом ждать русских купцов из Пскова, Новгорода, Москвы, готовых продать свои товары в обмен на западные. В Ивангороде же германские товары просто некому покупать, у горожан нет таких денег. Так что и раньше немецкие, английские, голландские корабли плыли к нам, в Нарву, ведь у нас товар продавался сразу. А с недавних пор возник и запрет для заморских купцов, им нельзя плавать в Ивангород. Такое условие поставила Швеция перед заключением мира после Ливонской войны и без этого отказывалась мир подписать.

– Теперь я лучше понимаю, почему московский царь хочет изменить положение в Ливонии, – признал принц. – А торговля в Нарве, судя по всему, не заглохла. Но все же, сравнивая ее с Ригой, я понимаю, что не случайно Ригу считают крупнейшим городом на востоке Балтийского побережья. Нарва так же аккуратна, зажиточна, но выглядит в сравнении с Ригой попросту маленькой.

– Река Дюна очень велика. По ней, Ваше Высочество, в Ригу везут товары из Ливонии, из Великого княжества Литовского и даже с Руси. А куда можно плыть по реке Нарове? Разве что от Нарвы до моря. Говорят, Рига больше даже шведского Стокгольма и только Копенгаген превосходит ее. Кстати, и торговля сейчас идет не так, как 25 лет назад, когда Нарва временно попала под власть русского царя Ивана, прозванного Грозным. О, тогда не было ни границ, ни таможенных пошлин! Попав в наш город, западный купец оказывался прямо в Московии, и мог дешевле, чем в Ливонии покупать лен, воск, сырье для корабельных канатов – пеньку, коноплю, сало.

Говорят, что далеко на юге, по степям до открытия португальскими мореходами Индии проходил Великий шелковый путь. По аналогии можно сказать: через Нарву шел Великий конопляный путь! Стебли конопли, из которых так удобно делать крепчайшие корабельные канаты, продавались здесь; голландским, английским и немецким купцам было выгоднее плыть в Нарву, чем в Таллинн или Ригу. Конечно, конкуренты и враги пытались нам помешать. Когда я был еще ребенком, в море появились польские пираты. Англичане тогда возили в Нарву ткани и соль для последующей перепродажи в Москву. И в каком количестве возили – товары стоили столько серебра, что даже пять силачей не способны были его поднять! Представляете, какую прибыль горожане получали от перепродажи! Так вот, однажды, неподалеку от устья Наровы британских купцов обнаружили польские пираты. И эти дураки решили напасть на британцев! – ратман захихикал – Один польский корабль был сожжен, четыре пиратских судна британские моряки захватили и лишь один кораблик успел удрать. Помню, как британцы выводили пленных на пристань и передали сотню пиратов московскому воеводе. Потом эти разбойники стали рабами, если их вообще оставили в живых. А какие в то время делались состояния! Мы готовы вернуться обратно в Россию…

Тут ратман спохватился:

– Или же, Ваше Высочество, быть в составе вашего, дружественного Руси королевства Ливония. Ведь будет дружба, будет и торговля. А нынче обороты резко упали, корабли даже в разгар лета заплывают редко…

Пока ратман и принц упражнялись в географии и вопросах экономики, подзорная труба перешла в руки Фридриха Фидлера. Он чуть придвинулся к окну и в результате прижался к Катарине еще ближе. Недовольная женщина постеснялась сделать замечания Фидлеру, но несколько резковато вмешалась

в разговор своего любовника и местного ратмана:

– Данциг крупнее Риги!

– Разумеется, разумеется. Все знают, что в Данциге живут самые богатые купцы и самые красивые женщины, – тут же согласился принц.

Конрад Буссов перевел разговор на другую тему. Он смотрел не на Ивангород, а на реку и сделал очевидный вывод:

– Как я и представлял, Нарова довольно широка, плыть через нее и сложно и долго, пока будешь в воде, часовые запросто подстрелят с моста или с крепостного вала, догонят на лодках…

– Вы хотели искупаться в реке? – пошутил член нарвского магистрата. – Стоит ли? День сегодня весьма прохладный.

– Я не умею плавать! – на всякий случай предупредил Буссова Фидлер.

– Не беспокойтесь, вы сможете переправиться через реку другим способом, – успокоил его Арманд Скров. – Давайте спустимся в гостиную.

Ратман галантно подал руку обрадованной Катарине, чтобы провести ее по крутой лестнице. Женщина наконец, то смогла оказаться не впритык с Фидлером. Но дурное настроение не исчезало у кандидатки в королевы Ливонии. «Почему хозяин дома так спокоен? – недоумевала она. – И как мы выберемся из этой Нарвы?».

В гостиной гостей ждали красивые кресла из дуба с кожаными сиденьями и сервированный, но пустой стол. Хозяин дома предложил принцу и даме Его Высочества почетные места во главе стола, а сам сел напротив них. Буссов, Фидлер и Тролле разместились по бокам от стола. Только, когда все расселись, нарвский ратман Арманд Скров, наконец, заговорил о делах.

– Итак, вы добрались без происшествий? – поинтересовался хозяин дома у Конрада Буссова.

– Я не стал бы так говорить. То, что из Таллинна Его Высочество направился в Нарву, вместо того, чтобы двигаться обратно в Польшу, неизбежно должно вызвать сильное подозрение и тревогу. Мне кажется, что за нами уже следят, просто пока не решаются арестовать.

– Да, вы правы, польские власти, судя по всему, обеспокоены. Караул на мосту через реку Нарову удвоен, и вам придется схитрить, чтобы оказаться на том берегу.

– Но как же мы попадем к русскому царю? – с тревогой в голосе спросила Катарина Котор.

– Не волнуйтесь, – успокоил женщину нарвский ратман. – У меня в городе немало друзей. Все они ревнители истинной веры, боятся попасть под власть этого выкормыша иезуитов – короля Сигизмунда и готовы отдать Нарву тому монарху, что согласится сохранить наши вольности и нашу веру.

– Но город контролируют солдаты шведской армии, не перешедшие на сторону герцога Карла, а сохранившие верность Сигизмунду. Они надежно охраняют проезд к русскому Ивангороду. Чем же могут помочь нам горожане? – задал, наконец, очевидный, с точки зрения Котор, вопрос принц Густав.

Ратман спокойно пояснил:

– То, что Его Высочество направился не туда, куда планировали власти, думается, встревожило польского наместника в Ливонии Юргена Фаренсбаха не так сильно, как может показаться. Куда существеннее другое. Не так давно в Ливонию перебежал из русской крепости некий Осипофф. Он-то и запугал королевских прислужников. Мол, под видом купцов с Руси приезжают лазутчики, а в Ивангороде уже все знают о заговоре с целью отдать Нарву под власть московского царя. Юрген Фаренсбах даже уведомил меня о некоем заговоре против Речи Посполитой и порекомендовал искать заговорщиков. Вот… усердно ищу…

Конрад Буссов рассмеялся хорошей шутке главы нарвских заговорщиков. Принц Густав демонстрировал показное безразличие. А красавица Катарина Котор с неудовольствием сказала:

– Надо действовать! Мы и так поехали не туда, куда, по мнению прислужников короля Сигизмунда, должны были бы ехать. А тут еще этот Осипофф поднял тревогу. Если мы сегодня же не окажемся в русской крепости, нас могут просто арестовать. И, скорее всего, так и сделают.

– Уже вечером вы будете на Руси, – невозмутимо ответил нарвский ратман Скров. – Сейчас надо лишь немного подождать человека, вместе с которым вы можете отправиться в Ивангород. А пока самое разумное, что мы можем сделать – это пообедать.

Арманд Скров был так уверен в надежности своего плана, что даже не считал нужным ничего объяснять ни русскому резиденту в Ливонии Конраду Буссову (своему начальнику в заговоре по передаче Нарвы в русские руки), ни принцу Густаву. Вместо объяснений нарвский ратман позвонил в колокольчик. Тут же в комнату вбежала служанка в кружевном чепчике и переднике и склонилась перед ним в низком поклоне. Ратман произнес только одно слово:

– Обед.

Хорошенькая девушка поднялась после поклона и повернулась к нему спиной. Арманд Скров словно попытался придать ей ускорение, шлепнув рукой по упругой заднице.

– Хороша! – не стесняясь Катарины Котор, поведал он Конраду Буссову. – Необразованна, но темперамента в кровати, покорна и послушна во всем. А если забеременеет, стоит выделить этой эстонке приданое, тут же найдется охотник жениться на ней. Из нищих горожан, естественно.

– А как относится к этой ситуации ваша жена? – неожиданно задал вопрос принц Густав.

Катарина с опозданием дернула его за рукав: мол, ты что, сейчас наша судьба зависит от этого человека, не раздражай его. Но Арманд Скров не обиделся, а улыбнулся:

– Супруга моя, женщина уже немолодая и прекрасно понимает, что мужчине в моей возрасте нужна молоденькая дама, чтобы разгонять кровь и поддерживать мужчину в форме. В таком случае и супруге достанется ласки

не меньше, а даже больше. Знаете, с возрастом мне стало нравится разнообразие…

Арманд Скров заразительно зевнул и слегка недовольно произнес:

– И где ходит эта Эрика?! Перехвалил.

– А где ваша супруга, почему вы обедаете без нее?

– Она никогда не присутствует на обеде, если он сопровождается деловыми переговорами. Зачем женщине знать лишнее?

Нарвский ратман излучал благодушие, казалось, ничто не беспокоит его и он совершенно не боится за исход предприятия, в котором участвует. И чем спокойнее он выглядел, тем тревожнее становилось на душе у Катарины Котор – спокойствие хозяина дома было по-прежнему непонятно и потому порождало страх. Катарина стиснула зубы и решила никому не показывать свое беспокойство. Полагают, что женщине не надо знать лишнего? Что же, пусть сами и думают, как преодолевать трудности.

Наконец, появилась служанка Эрика и без слов начала аккуратно и проворно разливать по тарелкам ароматный суп. Затем она наполнила кубки дорогим вином из Франции и стала расставлять по столу фарфоровые блюда с закуской – гусиным паштетом, голландским сыром, нежирной ветчиной, бужениной… После этого было подано рагу из оленины, а на десерт – медовый пирог. Казалось, Арманд Скров устроил пир, чтобы замаскировать скорый отъезд гостей в другую страну – кто побежит за границу сразу же после столь обильного обеда?! Да, столь сытно поев, ни один человек не захотел бы немедленно отправиться в путь.

Впрочем, угощение вовсе не было чрезмерным. После утренней скачки к Нарве, у гостей оказался прекрасный аппетит.

Но если принц Густав и резидент российской разведки в Ливонии Буссов сразу же начали поглощать то, что фигуристая служанка подала на стол, то данцигская красавица Катарина не спешила приступать к трапезе. Она озабоченно поинтересовалась:

– А почему же задерживается наш проводник?

– Он вовсе не проводник. А раз до сих пор не появился, значит, еще не распродал весь свой лен и не закупил достаточное количество сельди, которую он собирался вести в Псков.

– И мы бездействуем из-за какой-то селедки?! – возмутилась Катарина.

– Это для Вашего Высочества она какая-то.

Арманд Скров попытался смягчить резкость ответа тем, что титуловал простую мещанку, словно законную супругу принца Густава. Ратман продолжил:

– Купец живет торговлей и она для него важна не меньше, чем для Вашего Высочества борьба за трон. Прошу, отведайте копченого окорока, право же, нигде не коптят свинину лучше, чем в Нарве.

Катарине пришлось приступить к еде. Едва только дама успела оценить лакомый кусочек копченого окорока по достоинству, как дверь открылась и в парадный зал дома нарвского ратмана, не спрашивая разрешения, уверенно вошел мужчина средних лет в славянской одежде.

– Отобедай с нами, Тимотеус, – пригласил гостя к столу ратман Скров.

Расторопная служанка Эрика тут же поставила на свободное место тарелки, а Тимофей Выходец не заставил себя долго упрашивать.

Только после еды русский купец сообщил принцу Густаву о своем нехитром замысле:

– У меня много телег с товаром. Вы будете изображать возчиков, которых я нанял на один вечер – довезти товары до Ивангорода, где я легко могу нанять соотечественников. Вам даже не придется выдавать себя за русских, все будут думать, что из Ивангорода вы завтра же вернетесь обратно. Свежих ломовых лошадей для вас господин ратман, как я понимаю, уже приготовил.

– Лошади у тебя на постоялом дворе, – сообщил Скров.

– Из этого плана ничего не выйдет, – тихим голосом возразил принц Густав.

– Ваше Высочество, полагает, что настолько не похож на возчика? – не без иронии поинтересовался Тимофей Выходец.

– За нами следят. Разве само появление в этом доме русского купца не вызовет подозрение? Разве за купцом не установят слежку?

– Вовсе нет, – с улыбкой возразил ратман Скров. – Господин посол прибыл в Нарву, чтобы вести со мной переговоры, не в первый раз он приходит в мой дом.

– Посол? Но при чем тут тогда селедка?! – принц перестал что-либо понимать.

– Если я посол, так уже и селедку для себя не вправе купить?! – искренне удивился Тимофей.

А Арманд Скров прояснил ситуацию:

– Еще в феврале господин посол в первый раз прибыл в Нарву по воле своего государя, чтобы вести переговоры о восстановлении в городе церкви Святого Николая. Когда-то в Нарве существовала православная церковь для русских купцов и поселившихся в городе православных. Сейчас ее нет, пришло в запустение и русское кладбище у церкви. Царь велел Тимотеусу передать нарвскому рату, что Москва готова выделить деньги на ремонт церкви и жалованье священнику. А то, что господин посол – купец и привез с Руси дешевый хлеб, горожан отнюдь не расстроило. Ведь вывоз хлеба с Руси запрещен царем Борисом. И лишь для Тимотеуса русские власти сделали исключение. То, что господин посол не только продал зерно, но и купил в Нарве наши товары, опять-таки лишь порадовало местных купцов. Ешьте-ешьте, время еще есть. Когда закончите, переоденетесь в одежду возчиков, я вас выеду через черный ход и вы пойдете на постоялый двор. Но не спешите, Эрика еще не подала к столу чудесный нарвский крендель!

Арманд Скров вел себя так, словно накормить до отвала дорогих гостей было для него делом не менее важным, чем обеспечить им безопасный путь в Ивангород. После сытного обеда никому не хотелось вставать из-за стола.

Несколько минут Конрад Буссов и Арманд Скров развлекали друг друга спором о том, где лучше ловится рыба и где ее лучше готовят – в Лифляндии или в Эстляндии.

– Я родом из Германии. Там тоже неплохая рыба, но лифляндское изобилие поражает. И как ее готовят?! Даже такую рыбу для бедных, как лососина, в Риге коптят так, что не стыдно подать ее и к столу купца или офицера.

– Коптить лососину умеют и у нас. Впрочем, едят ее в Нарве только бедняки, кому она нужна! А вот рыба из огромного Чудского озера весьма неплоха.

– В Двину заплывает из моря немецкий осетр. Удивительная по вкусу рыба, к тому же долго радует того, кто ее купит.

– Это почему же? – заинтересовался Тимофей Выходец.

– Так ведь весит подобная рыбина почти сотню килограммов.

– Шесть пудов?! – поразился Тимофей. – Я думал, такое чудо есть только на Руси – в далеком южном море и в реке Волге.

– Верно, бывает, шесть пудов весят, – подтвердил Тимофею Конрад Буссов и добавил. – Думаю, нам пора в путь…

Хозяин дома тут же встал, открыл стоявший в углу сундук богатой отделки и вытащил из него скромную одежду возчиков. Он сам раздавал ее, выбирая, кому, на его взгляд, какой наряд подходит по размеру. Катарина Котор удалилась переодеваться в соседнюю комнату, мужчины же одевали новые наряды прямо в гостиной. Их старую одежду Скров заботливо спрятал в сундук, пообещав: «При случае постараюсь переправить на ту сторону».

Когда Катарина вернулась в гостиную, Фридрих Фидлер чуть не ахнул. Да, одев мужской плащ, парик и шляпу, она стала похожа на красивого юношу. Но если раньше пышный кринолин платья надежно скрывал от окружающих ее прелестные бедра и колени, то теперь мужские чулки обтягивали ее стройные ноги, давая возможность мужчинам легко представить себе, что за красота таится под этой одеждой. Фридрих Фидлер в смятении подумал: «Да есть ли

в Европе еще хоть одна дама со столь притягательной фигурой?!». И даже Конрад Буссов, увидев красавицу в обтягивающих ее стройные ноги мужских чулках, невзирая на разницу в возрасте, впервые ощутил по отношению к молодой немке отнюдь не отцовские чувства. В этот момент он позавидовал принцу.

Мужчины не сумели сдержать откровенных взглядов и Катарина покраснела. Принц Густав подошел к ней, чтобы успокоить любимую. Он ласково обнял ее, и все увидели, как подходят друг другу рослый с благородными чертами лица скандинавский принц и данцигская горожанка. Да, Густав сделал то, что может далеко не каждый король – выбрал себе спутницу жизни по любви.

Увидев переодетых заговорщиков, купец Тимофей Выходец тепло улыбнулся. Про себя рачительный торговец в этот момент подсчитывал, сколько сэкономил на том, что ему не надо нанимать возчиков для переправки товаров из Нарвы на Русь. Да и ломовых лошадей прислал Арманд Скров, а найм лошадей тоже денег бы стоил…

* * *

Через час воевода Ивангорода князь Василий Иванович Буйносов-Ростовский щедро угощал принца Густава в своем тереме:

– А вот, Ваше Высочество, откушайте-ка икорки астраханской. Вилкой или ножом ее много не возьмешь, вы ее ложкой, ложкой! Да отведайте-ка медку нашего, ивангородского, в неметчине-то небось такого медку не варят!

Принц был в растерянности. Он плотно поел в Нарве, но нарвское хлебосольство выглядело скромным походным перекусом в сравнении с русским столом. Были на нем и соленые огурчики и квашенная капуста, и караваи свежеиспеченного хлеба, и пироги с рыбой, мясом, капустой, грибами. Был и осетр, о котором в Нарве только говорили. Рыбина сия покоилась на огромном блюде, которое слуги вдвоем с трудом внесли в зал для пиров. Был и жирный жареный гусь, и отменная баранина, и орехи в меду, и какие-то необычные блюда с Востока, которые принц никогда раньше не видывал, и хмельной мед разного сорта, и анисовая водка, оказавшаяся лучше немецкого шнапса.

Воевода, князь Василий Иванович Буйносов-Ростовский не жалел средств для того, чтобы угостить Его Высочество. И при этом нисколько не жалел о затраченных деньгах, ибо тратил не свои, а государственные, заранее выделенные предусмотрительным царем Борисом на встречу принца в Ивангороде. Отныне принц и его фаворитка переходили на полное государственное обеспечение. Что вовсе не радовало принц Густава. Он просто не понимал, сидя за воеводским столом, как можно всё это съесть. Ну ладно, сидело бы за столом человек тридцать, можно было бы попробовать осилить хотя бы поданную к столу целиком половину воловьей туши, зажаренной на вертеле, и отъесть от огромного осетра, привезенного из далекой Астрахани значительную часть. Но ведь их здесь всего семь человек! К тому же деликатес, невиданный в Данциге и Риге, – черная икра оказалась столь приятной на вкус, что принцу было не до осетра или зажаренного на вертеле мяса. Он подумал, что сиятельный князь мог бы велеть подать к столу только черную икру, каравай хлеба, орехи в меду, да замечательно засоленные огурчики – и этого оказалось бы более чем достаточно! Но как объяснить хозяину стола, что у него, Густава, было трудное детство, что он должен был постоянно экономить, и не научился так много есть? А Катарина Котор – простая горожанка из скромной семьи, где никто никогда не переедал. И вообще, она же может так фигуру испортить! Но как дать понять хлебосольному русскому князю, что все это угощение лишнее, не обидев его?!

Князь Василий словно угадал мысли принца Густава. Пожилой воевода по-отечески посмотрел на него, рукой дал знак слуге, чтобы положил на тарелку принцу кусочек осетра и что-то сказал Тимофею Выходцу по-русски.

Заметим, что Тимофей, попав за княжеский стол, нисколько не стеснялся. На черную икру он внимания не обращал, налегал на жареную на вертеле говядину, отдал должное также гусю, отведал пирогов с капустой и рыбой.

Как раз в тот момент, когда князь что-то сказал, Тимофею было не до разговоров. Лишь тщательно прожевав гусятину, переводчик воспроизвел слова воеводы на немецком:

– По русскому обычаю, обязанность хозяина – угощать гостя. А хочет гость есть это или же не хочет, его дело. Главное, была бы честь предложена.

Принц воспрял духом и на радостях съел ложку черной икры. Князь Буйносов-Ростовский снова что-то сказал, на сей раз чуть смущенно. Тимофей перевел:

– Еда эта коварна, если много ложек съесть, живот заболит.

От себя же Тимофей добавил:

– Ваше Высочество, отведайте лучше огурчика, очень хорошо им анисовую закусывать.

Принц закусывал, а Катарина, перепуганная в Нарве тем, что они могут и не добраться до Ивангорода, снимала напряжение анисовой и слегка опьянела. Что, впрочем, было воспринято воеводой и Тимофеем вполне нормально: напилась за накрытым столом, так то дело житейское, бывает. Потому на пиры женщин обычно и не пускали – не умеют они пить, как мужики. И какая разница, что Катарина Котор – будущая королева – почему на нее водка должна действовать не так, как на других женщин?!

Воевода между тем радовался про себя: выгодное дело, принимать у себя принца. Теперь неделю тем, что останется, семью и холопов своих верных от царских щедрот вкусно кормить можно. Небольшой, но прибыток.

Князь знал, что в Москве служилые люди регулярно получают от царя дачи: в праздники, порой просто на выходные. Царевы слуги разносили по домам чиновникам приказов провизию: кому – бараний бок, кому – осетра или белугу… И велика была радость, коли царский подарок отдавали на металлическом блюде, ведь серебряное блюдо могло стоить дороже десятков баранов и даже оловянное или чугунное ценилось побольше осетра. Но чиновники одаривались государем в столице, а до Ивангорода щедрые дары, увы, не доходили. Жалованье же было очень маленьким, да и выплачивалось нерегулярно. Поэтому во всех городах происходило то, что не предусматривал закон. Раз в год тысяцкий обходил горожан и говорил, сколько надо дать. Причем о «неуплате налога» речи идти не могло, тысяцкий называл сумму, исходя не из декларации о доходах, написанной на бумаге. Знал ведь, кто в городе в какой шубе ходит, каким домом владеет, словом, как кто на самом деле живет. С бедной вдовы мог вообще ничего не взять, богатому купчине предлагал раскошелиться.
Так и скидывались горожане на жизнь для своего воеводы и его помощников. Вот только Нарва перетянула на себя всю транзитную торговлю, Ивангород был мал и беден, тысяцкий приносил для князя Буйносова-Ростовского весьма небольшую сумму. А поместье у князя было далеко от места службы, и получалось, что провиант для прокорма князя и его домочадцев с их родовой

вотчины везти невыгодно. Поэтому мысль о сэкономленных продуктах была для воеводы весьма приятна…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ase_irena/shpionskie-igry-carya-borisa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить